Во власти черных птиц

Автор:
Кэт Уинтерс

Во власти черных птиц

Кэт Уинтерс

Сан-Диего, 1918 год. Первая мировая война и грипп-убийца, «испанка», собирают урожай погибших. Мир на грани апокалипсиса. Люди ходят по улицам в масках, а правительство отправляет мужчин на фронт. Царит атмосфера страха и растерянности. Шестнадцатилетняя Мэри Шелли Блэк видит, как люди, потерявшие близких, пытаются найти утешение в спиритических сеансах. Девушка не верит в призраков, доверяя научным фактам. Все меняется, когда погибший на войне любимый возвращается к Мэри… как дух. Бесплотный отголосок человека, которого любила девушка. Чего он хочет от нее? Что происходит в этом городе? Неужели призраки действительно существуют? Мэри должна понять, зачем ее любимый вернулся с того света и какую участь сулит ей его загадочное и жуткое появление…

Кэт Уинтерс

Во власти черных птиц

Cat Winters

In the Shadow of Blackbirds

© Catherine Karp, 2013

© Depositphotos.com / ALASKA68, digiselector, Rangizzz, everett225, обложка, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2022

* * *

Адаму, Мегги и Итану, которые терпеливо делят меня с моими персонажами

Глава 1. Год, сотворенный дьяволом

Портленд, Орегон, 16 октября 1918 года

Войдя в вагон поезда, я почувствовала на себе пристальные взгляды трех дюжин пар глаз. Носы и рты пассажиров были скрыты марлевыми повязками. Сквозь запах ткани моей повязки я почувствовала запах вареного лука и чего-то липкого и кислого, возможно страха.

«Не останавливайся», – сказала я себе.

Несмотря на дрожь в ногах, обутых в скаутские ботинки на тот случай, если мне придется быстро бежать, я заставила себя пройти вперед. Моя тяжелая поступь привлекла нежелательное внимание. Как минимум один человек вскинул брови, но никто не произнес ни слова.

– Доброе утро, – обратилась я к женщине, голову которой обрамляло облачко черных кудряшек, придававших ей сходство с пуделем.

– Доброе, – пробормотала женщина в маску.

Как я и ожидала, все вскоре утратили ко мне интерес и снова занялись своими делами. Я была всего лишь здоровой с виду шестнадцатилетней девушкой в темно-синем платье, не походила на иностранного шпиона и явно не болела гриппом. Следовательно, не представляла угрозы.

Темно-серые дорожные костюмы в сочетании с белыми хлопковыми масками придавали людям в вагоне сюрреалистический вид, который немного нарушал резкий запах лука, доносившийся из вагона-ресторана. Я представила себе поваров, торопливо измельчающих ароматные луковицы в отчаянной попытке не позволить гриппу захватить поезд. Их глаза слезятся, со лба капает пот. Я моргнула, смахивая появившиеся на глазах от жгучего аромата слезы, и заняла единственное свободное место рядом с женщиной средних лет, плотного сложения, с полными руками и кустистыми бровями. На шее у нее висел противогриппозный мешочек, от которого так несло медикаментами, что эта вонь забивала даже запах лука.

– Привет. – Она потерла мешочек и оглядела меня с ног до головы. – Я миссис Питерс.

– Я… – Поставив кожаную сумку себе на колени, я представилась ей коротко: – Мэри.

Шуршащие вокруг газеты, скорее всего, содержали статью о моем отце, и я представила, что в ней говорилось обо мне: «Вчера вечером во время ареста в доме также находилась дочь мистера Блэка, Мэри Шелли. Похоже, девочке дали имя в честь автора некоего романа ужасов с необычным немецким названием: Франкенштейн».

– Это докторская сумка? – спросила миссис Питерс.

– Да. – Я крепче прижала к себе саквояж. – Это сумка моей мамы.

– Твоя мама была врачом?

– Самым лучшим в округе.

– Жаль, что она не с нами в этом поезде. – Миссис Питерс обвела взглядом пассажиров. – Не знаю, что будет, если кто-нибудь сляжет в пути. Спасать нас будет некому.

– Если мы заболеем, нас, скорее всего, просто выбросят из поезда на следующей станции.

Наморщив лоб, она возмутилась:

– Как можно говорить такие в высшей степени неприятные вещи!

Я повернулась, слегка отодвинувшись от нее.

– Если вы не против, я бы не хотела говорить о гриппе.

Миссис Питерс раздраженно сказала:

– Как ты можешь о нем не говорить? Мы ведь даже разговариваем сквозь марлевые повязки. Нас набили сюда, как беспомощных…

– Прошу вас, мэм, перестаньте говорить об этом. У меня и других проблем хватает.

Она немного отодвинулась от меня:

– Надеюсь, ты не распространяешь микробы.

– Надеюсь, вы тоже.

Я откинулась на деревянную спинку и попыталась расслабиться, не обращая внимания на происходящее и тошноту, преследующую меня с момента ареста отца. У меня в голове, подобно гротескным кадрам на экране кинотеатра,

всплывали воспоминания о том, как чиновники били отца в живот, называя его предателем.

Раздалось шипение: пар окутал вагон. Пол у меня под ногами завибрировал. Руки и колени задрожали, а зубы застучали, как будто с лихорадочной поспешностью подавая сигнал бедствия: цок-цок-цок-ЦОК-ЦОК-ЦОК-цок-цок-цок.

Чтобы отвлечься, я расстегнула металлическую защелку саквояжа и вытащила пачку писем, связанную синей лентой для волос со слегка растрепавшимися концами. Вынув верхний хрустящий, кремового цвета конверт, я достала из него письмо и погрузилась в чтение.

29 июня, 1918 года

Моя дорогая Мэри Шелли!

Я прибыл сюда четыре дня назад. Наши письма подвергаются цензуре, поэтому письмо будет скучным. Они вымарают все, что может указывать на мое местонахождение, и я буду похож на детектива из романа о Шерлоке Холмсе. К примеру: я нахожусь в **********, а вскоре собираюсь в **********. Сплошные загадки, верно?

Я получил твое письмо. Слова, написанные твоей рукой, заставили мое сердце биться чаще, но я очень огорчен, что ты так и не получила моей посылки. Она должна была прийти почти два месяца назад. Скорее всего, в этом виноват мой брат. Но я напишу маме. Возможно, она знает, отправлена ли посылка, и если да, то когда.

Я также получил твою фотографию. Спасибо огромное, Шелл. Это фото так много для меня значит. Я смотрю на твое лицо, и мне не верится, что малышка Мэри Шелли Блэк, забавная подружка моего детства и преданный друг по переписке, стала такой красавицей. Я отдал бы все, что угодно, лишь бы снова настал апрель, когда ты приехала, и быть с тобой. Стоит мне закрыть глаза, как я снова ощущаю вкус твоих губ и чувствую, как скользят по моей коже твои длинные каштановые волосы. Мне так хочется снова прижать тебя к себе.

Иногда я помимо воли начинаю думать о том, как бы все сложилось, если бы я не уехал, когда мне было четырнадцать. Что, если бы мой дедушка не умер и мои родители не поспешили переехать вместе с нами в его дом на острове? Были бы мы с тобой так же близки? Сблизились бы мы еще больше… или, наоборот, отдалились друг от друга? В любом случае я чувствую, что меня многого лишили, отняв возможность общаться с тобой.

Не беспокойся обо мне, Шелл. Я приехал сюда по собственному желанию, а значит, что бы со мной ни произошло, я сам буду в этом виноват. В письме ты написала, что сожалеешь о том, что не смогла помешать мне отправиться на войну, когда мы были вместе в апреле. Я твердо решил, что должен это сделать, и тебе лучше, чем кому-либо еще, известно, что иногда я могу быть таким же упрямым, как ты.

Пиши, буду ждать. Если сможешь, пришли мне парочку книг.

Скучаю по тебе.

Любящий тебя Стивен

На сиденье передо мной кто-то чихнул.

Я вздрогнула от неожиданности, широко раскрыла глаза, и письмо Стивена упало мне на колени. Все резко повернули головы в сторону худенькой рыжеволосой женщины, которая чихнула еще раз. Мои губы приоткрылись, чтобы произнести запрещенное слово – gesundheit[1 - Будьте здоровы (нем.). (Здесь и далее примеч. перев.)], – но я промолчала.

– У моей жены аллергия! – поспешил объяснить спутник женщины, мужчина с вьющимися светлыми волосами, напоминающими картофельное пюре. Он придвинулся к жене и поправил ей маску. – Это не грипп. Не смотрите на нее так.

Однако люди продолжали настороженно смотреть на женщину.

В этот момент поезд тронулся, всех потревожив. Его пронзительный свист рассеялся в октябрьской дымке. Я спрятала письмо Стивена в сумку и уставилась на проплывающие мимо кирпичные здания, а между ними – красные и янтарно-желтые пятна деревьев, напоминающие о том, по чему я больше всего буду скучать, покинув Портленд. Осень с ее ароматами горящих листьев, специй для глинтвейна и ярко-оранжевыми тыквами в магазинчике моего отца всегда была моим любимым временем года.

Вскоре в окна забарабанил дождь.

Мир снаружи стал серым.

Сидящая рядом со мной миссис Питерс, сдвинув брови, сверлила взглядом чихнувшую даму.

– Из-за этой женщины к тому времени, как выйдем из поезда, мы все будем мертвы.

Я чуть не сказала, что если мы будем мертвы, то из поезда точно не выйдем. Но снова стиснула зубы и промолчала, что всегда давалось мне с большим трудом.

Все вокруг сидели неподвижно, источая запахи лечебных народных средств. Вонь от медицинского мешочка моей соседки и чьей-то жвачки с ароматом чеснока пробивалась даже через четырехслойный барьер моей маски. Стук колес поезда заменял дорожные разговоры.

Мне казалось, что я сплю. Что стоит мне открыть глаза, и этот жуткий-жуткий кошмар окончится. Я впилась ногтями в ладони в надежде проснуться, но ощутила боль, а на ладонях остались полукруглые вмятины. Я не спала.

В таком случае я, должно быть, перенеслась в будущее и очутилась в мире, подобном описываемому Гербертом Уэллсом, – в этом ужасающем фантастическом мире лица людей наполовину были скрыты масками, виднелись только глаза, миллионы здоровых молодых людей и детей умирали от гриппа, юношей увозили из страны на верную смерть, а власти арестовывали граждан за неправильные слова. Такое место не могло существовать в реальности. И это не могли быть Соединенные Штаты Америки – «земля свободных и дом смелых людей».

Однако это было именно так.

Я ехала в поезде по родной стране, и это происходило в год, сотворенный дьяволом.

1918-й.

Глава 2. Тетя Эва и ду?хи

Сан-Диего, Калифорния. 18 октября 1918 года

Тетя Эва не встретила меня на железнодорожной платформе, когда я приехала, что могло означать одно из трех: она опаздывала, она не получила моей телеграммы или заболела гриппом. Третий вариант приводил меня в тоску и ужас, поэтому я постаралась выбросить его из головы.

Я ссутулилась на жесткой неудобной скамье вокзала Санта-Фе, разглядывая белые гипсовые арки под потолком, подобные лишенным цвета радугам. Надо мной свисали гигантские электрические колеса-лампы. Они были такими тяжелыми, что крепились к аркам огромным количеством железных цепей. Морской бриз наполнял вокзал ароматами соли и рыбы, от которых мой пустой живот начал урчать. После путешествия в более чем тысячу миль у меня болела спина, а мозг отчаянно нуждался во сне. Но мне оставалось только сидеть и ждать.

Плакаты, которыми были увешаны сине-золотые мозаичные стены, сменились со времени моего последнего приезда сюда шесть месяцев назад. Тогда, в апреле, надписи яркого красного, белого и синего цвета провозглашали устрашающие лозунги, призванные сплотить нас в борьбе с немцами:

БЕЙ ГАНСОВ ОБЛИГАЦИЯМИ СВОБОДЫ![2 - Облигации, которые выпускались в США в годы Первой мировой войны.]

ДАЙТЕ ЖАРУ! НЕ ЖАЛЕЙТЕ СИЛ!

ТЫ 100 % АМЕРИКАНЕЦ? ДОКАЖИ ЭТО!

НЕ ЧИТАЙ ИСТОРИЮ АМЕРИКИ – ТВОРИ ЕЕ!

Я помню, как тетя Эва ворчала что-то о «сомнительном вкусе», ведя меня мимо плаката с изображением символизирующей Германию гориллы с разинутой пастью, которая сжимала в лапах златовласую полуобнаженную деву. «УНИЧТОЖЬ ЭТОГО БЕЗУМНОГО ЗВЕРЯ! ВСТУПИ В АРМИЮ США!» – было написано на нем.

Не считая одного плаката, призывающего идти во флот, все агитационные лозунги теперь исчезли, сменившись белоснежными листовками, предостерегающими не кашлять, не чихать и не плевать в общественных местах. Со всех сторон меня окружали слова ГРИПП и ЭПИДЕМИЯ, написанные жирными черными буквами, как будто мы могли забыть о том, что живем во время чумы.

Я ждала тетю Эву уже полчаса. Прибыл еще один поезд, полный новобранцев в армию США, которые направлялись на военную базу Кэмп-Кирни на севере Сан-Диего. Офицеры в оливкового цвета кителях и штанах галифе забегали, выкрикивая приказы, и спустя некоторое время промаршировали по вокзалу в сопровождении колонны молчаливых молодых людей, облаченных в лучшие воскресные костюмы и противогриппозные маски. Парни были совсем юными – большинству, наверное, не исполнилось и девятнадцати, поскольку призывной возраст, который раньше составлял двадцать один год, недавно снизили. Некоторые из них заметили меня, и их глаза вспыхнули, несмотря на то что я, обмякнув на скамье в своей уродливой маске, больше всего напоминала мешок картошки.

– Привет, куколка! – окликнул меня коренастый светловолосый юноша.

– Эй, красотка! – проворковал тощий юнец в черных, слишком длинных для его ног штанах. – Как насчет поцелуя для солдата?

Некоторые молодые люди засвистели, и офицерам пришлось окрикнуть их, напомнив, что они уважаемые солдаты армии США.

Внимание мальчишек мне ничуть не польстило. В равной степени я не почувствовала себя задетой. Скорее они напомнили мне, как выглядел Стивен в последний раз, когда я его видела, – в его карих глазах странным образом светились одновременно отвага и страх.

Глядя в окно, я смотрела, как парней ведут к веренице зеленых военных грузовиков, с включенными двигателями ожидавших на дороге. Призывники взбирались под плотный брезент с точностью пуль, заряжаемых в магазин пистолета. Грузовикам предстояло доставить их в тренировочный лагерь, вне всякого сомнения переполненный лихорадящими жертвами гриппа. Парнишки, которые не заболеют, научатся убивать других молодых парней, которые, вероятно, в этот самый момент прибывали на немецкий вокзал в своей лучшей воскресной одежде.

«Перестань так думать, – одернула я себя. – За это они забрали папу. Ты не можешь позволить себе думать, как он».

Я поджала ноги и прислонилась головой к черному маминому саквояжу. Вокзал вокруг меня опустел и погрузился в тишину, прерываемую только воем сирен карет скорой помощи, проезжающих по городским улицам.

Я задремала.

Погрузилась в смутный сон о папе, который готовил суп с ароматом, царящим на консервных заводах Сан-Диего. И вдруг услышала голос тети Эвы, окликнувшей меня по имени. Открыв глаза, я увидела, что ко мне идет невысокий моложавый мужчина в серой рабочей одежде, ступая по кафельному полу испачканными в мазут ботинками. Никакой тети Эвы. Должно быть, ее голос мне приснился.

Я снова закрыла глаза, и тут кто-то снова произнес:

– Мэри Шелли.

Я оперлась на локоть, пытаясь проснуться. Невысокий мужчина подошел ко мне. Его шаги гулким эхом разнеслись по пустому вокзалу. Над медицинской маской на его лице блестели знакомые мне круглые очки. Из-под фуражки выглядывали короткие светлые волосы.

Я вскочила:

– Тетя Эва?

– Прости, я так опоздала. Меня не отпустили пораньше, как я рассчитывала. – Она остановилась в нескольких метрах от меня и вытерла грязные руки о штаны. – Я не буду тебя обнимать, потому что вся в грязи. К тому же ты ехала в поезде с кучей других людей. Как только доберемся домой, посадим тебя в горячую ванну, чтобы смыть все микробы.

– Почему ты так одета?

– Что? Разве я тебе не говорила, что после смерти Уилфреда я начала работать на верфи?

– Нет. В своих письмах ты не обмолвилась об этом ни словом. Господи помилуй! – Я не выдержала и расхохоталась. – Утонченная тетя Эва строит боевые корабли.

– Не смейся, это хорошая работа. Помогает забыть обо всех бедах. Все мужчины ушли на войну, и нам, женщинам, пришлось занять их места. – Она подхватила мой окованный железом чемодан с такой легкостью, что стало ясно: эти тонкие ручки снабжены мощными бицепсами. – Надеюсь, ты в силах дойти до моего дома. Я избегаю зараженного воздуха в общественном транспорте.

– А на фабрике воздух не зараженный?

– В основном я работаю на улице. А теперь пошли, хватит тут торчать. Бери свою сумку, идем домой.

Я схватила свою черную сумку с сокровищами.

– Мне нравится твоя прическа.

Она проворчала сквозь маску:

– О волосах ни слова. Я подстриглась только потому, что другие девушки сказали, что так лучше для работы. С тех пор как я отрезала волосы, меня не удостоил взглядом ни один мужчина.

Она пошла вперед, и легкость, с которой она несла мой чемодан, говорила об обретенной ею силе.

Я не решилась указать ей на то, что недостаток мужского внимания, вероятнее всего, связан с грязными ботинками и пропотевшей одеждой, а короткие волосы тут ни при чем. Я плелась за ней в своих ботинках, понимая, как странно мы выглядим: две молодые женщины с разницей в возрасте всего в десять лет, чью женственность уничтожила война.

Новобранцы уехали, и на улице перед вокзалом не было ни души, не считая седоволосого мужчины в костюме в тонкую полоску, грузившего свой багаж в салон черного такси. Водитель курил сигарету сквозь дырку в марлевой маске, и запах дыма смешивался с соленым морским воздухом и доносящимися откуда-то ароматами рыбоконсервной фабрики. Над головой безупречной невинной синевой сияло небо.

Тетя Эва повела меня на север.

– Город закрыли, чтобы попытаться воспрепятствовать распространению гриппа. Солдат посадили на карантин раньше, чем всех нас, но сейчас церкви, театры и кинотеатры, бани и танцзалы – все закрыто.

– А школы? – с надеждой спросила я.

– Закрыты.

Мои плечи разочарованно опустились.

– Папа сказал мне, что в Сан-Диего грипп будет слабее благодаря теплой погоде. Это было одной из причин, по которой он хотел, чтобы я сюда приехала, если с ним что-то случится.

– К сожалению, здесь, на юге, он тоже приобрел катастрофические масштабы. – Тетя покосилась на меня. – Наверное, тебе будет скучно, но лучше поскучать, чем умереть. Не забывай постоянно носить маску. Здесь насчет этого очень строго.

– Мне кажется, что хирургическая марля ни от чего не спасает. Единственный результат – это то, что она делает нас всех похожими на инопланетных чудовищ. Мой учитель естествознания, мистер Райт, носил маску и умер точно так же, как и те, кто этого не делал.

Она не ответила, поэтому я брела за ней, обдумывая сказанное. Наши шаги звучали в унисон. Каждые два квартала мы менялись чемоданом и саквояжем. Царящую на улицах тишину нарушало только наше сопение под грузом моих пожитков. Мои нос и подбородок потели под маской. Погода была слишком жаркая для октября.

Пройдя несколько кварталов на север, мы свернули направо на Бич-стрит. У нас за спиной послышался цокот конских копыт, и до меня донеслось такое зловоние, что я с трудом подавила рвотный рефлекс.

– Не смотри, Мэри Шелли. – Тетя Эва вытащила из кармана брюк носовой платок и прижала его к лицу поверх маски. – Смотри себе под ноги.

Но, конечно же, после слов тети Эвы мне захотелось посмотреть на тот ужас, от которого она пыталась меня защитить.

Бросив взгляд через плечо, я увидела повозку, запряженную лошадью, которой управлял изможденный темнокожий мужчина. Его ничего не выражающий взгляд был устремлен на дорогу прямо перед собой. Выгоревший на солнце фургон приближался, и я увидела гору накрытых простынями тел. Пять пар ног – черных, с фиолетовым отливом – свисало с края повозки.

– Я сказала, не смотри! – Тетя Эва сунула мне платок. – Дыши через это.

Не выдержав, я сдернула маску и согнулась над придорожной канавой, избавившись от скудного количества пищи, съеденной мною в поезде.

Тетя Эва уронила чемодан.

– Надень маску. Скорее.

– Мне нужен свежий воздух.

– Из-за этого гриппа свежего воздуха больше нет. Надень маску. Немедленно.

Я снова надела марлю на нос и вдохнула свое собственное кислое дыхание.

После того как повозка проехала, мы замолчали. Мы продолжали по очереди нести чемодан, когда меня перестало тошнить, но из уважения к мертвым старались сдерживать натужное сопение. Издалека снова донесся вой сирены скорой помощи.

Черные, серые и белые траурные повязки на дверях домов, так же как и в Портленде, говорили о жертвах гриппа. Черная ткань указывала на смерть взрослого, серая – пожилого человека, белая – ребенка. Близнецы Брэндивайн, жившие в Портленде по соседству со мной, не дожили трех месяцев до своего восемнадцатилетия. Их мать, не зная, считать дочерей взрослыми или детьми, сплела косы из черной и белой ткани.

Когда мы повернули налево и углубились в квартал, где жила тетя Эва, застроенный скромными, обшитыми вагонкой домиками, мне вдруг пришло в голову, что однажды моей тете придется вывесить на входную дверь кусок ткани, оповещающий о моей кончине. Меня снова начало подташнивать.

– Каким-то образом в этом квартале нам пока удается избегать гриппа. – Тетя Эва уже тащила мой чемодан по зацементированной дорожке, ведущей к ее дому. – Я не знаю как, но молю Бога, чтобы мы не заразились.

Я поднялась вслед за ней на крыльцо ее двухэтажного викторианского дома – увеличенной копии кукольного домика с зубчатой желтого цвета наружной обшивкой и декоративными деревянными деталями, напоминающими кружевные салфетки. Коричневая табличка в одном из окон фасада говорила, что жильцы являются ЧЛЕНАМИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ США, и включала официальную эмблему этой организации – красно-бело-синий щит в

обрамлении пшеничных колосьев. Эта табличка говорила о том, что тетя Эва в определенные дни по запросу правительства будет отказываться от мяса, муки и сахара, чтобы сэкономить еду для наших солдат и голодающих в Европе, а также о том, что тетя Эва не является шпионом, предателем или опасным иммигрантом, а значит, ее следует оставить в покое.

Я задумалась о том, какой бы сейчас была моя жизнь, если бы мой отец соглашался со всеми атрибутами американской действительности наподобие этой проклятой карточки и предоставил войне идти своим чередом.

Тетя Эва открыла дверь и впустила меня в узкую прихожую, которая, как я почувствовала, едва сняв маску, провонялась луком точно так же, как и поезд. Швейцарские часы с кукушкой сообщили откуда-то из расположенной в задней части дома кухни о том, что уже четыре часа.

Где-то рядом раздался детский голос:

– Кто там?

Я вздрогнула и уронила сумку.

– Кто это?

– Это Оберон. – Тетя Эва с грохотом поставила мой чемодан на вытертые половицы прихожей. – Калифорнийская сорока, которую выходил мой сосед-ветеринар. Его призвали на фронт, а поскольку он холостяк и жил один, я присматриваю за птицей в его отсутствие.

Я вошла в ее лавандовую гостиную слева от прихожей и увидела изумительную черно-белую птицу с заостренным хвостом вдвое длиннее ее туловища. Она сидела на жердочке в высокой куполообразной клетке.

Птица опустила голову, разглядывая меня сквозь бронзовые прутья.

– Кто там?

Я улыбнулась:

– Я Мэри Шелли, по-видимому, твоя сводная кузина. Что еще ты умеешь говорить?

– Он называет свое имя и говорит «Привет», а еще любит свистеть и пищать, – ответила тетя Эва, снимая рабочее пальто. – Ты сможешь познакомиться с ним поближе чуть позже. А сейчас тебе необходимо принять ванну. Сделай воду как можно горячее, чтобы все микробы сварились. А заодно постирай свою маску.

– Хорошо. Потрясающая птица! Мне нравятся эти белые пятна у нее на крыльях и животе.

Я вернулась в прихожую, взяла чемодан и саквояж и уже собиралась подняться наверх, как вдруг увидела себя на бледно-лиловой стене в глубине гостиной.

Это была моя фотография, сделанная в спиритуалистической студии Джулиуса, старшего брата Стивена, во время моего апрельского приезда в Сан-Диего. Я снова опустила багаж на пол и прошла через комнату, чтобы лучше разглядеть снимок.

– Мэри Шелли? – раздался у меня за спиной голос тети.

На черно-белой фотографии мои голубые глаза казались прозрачными, почти как у привидения. Они вызывающе смотрели на меня в упор. Я так скептически отнеслась к тому, что на проявленной фотографии могут быть запечатлены настоящие ду?хи, что приложила все усилия к тому, чтобы придать себе упрямый вид. У меня на шее висели серебристые летные очки, хотя Джулиус и тетя Эва хотели, чтобы я их сняла, и я была одета в легкую белую блузку с воротничком и V-образным вырезом.

Я как будто снова услышала слова Джулиуса, произнесенные перед тем, как он меня запечатлел: «Не шевелись. Улыбайся. И призови мертвых».

На проявленном снимке рядом со мной стояла на коленях массивная призрачная фигура, окутанная светлым покрывалом, скрывающим ее голову и тело. Это существо прильнуло к моему стулу и прижалось лбом к подлокотнику, как будто терзаясь мучительной болью либо почтительно мне кланяясь.

– Что ты думаешь о своей фотографии? – Половицы у меня за спиной скрипнули под рабочими башмаками тети Эвы. – Мы же говорили, что если ты согласишься позировать ему для фото, на нем проявится что-то удивительное.

Меня обдало холодом. Вместо того чтобы ответить, я вслух прочла надпись под снимком:

– Мисс Мэри Шелли Блэк и восхищенный дух. В священной студии мистера Джулиуса Эмберса, фотографа-спиритуалиста, обитает красота. – Я резко обернулась к тете. – Джулиус использовал меня для рекламы?

– Эта реклама помогла многим сокрушенным горем людям обрести у него в студии утешение. На этом фото ты выглядишь невероятно красивой. Посмотри, как ему почти удалось передать каштановый оттенок твоих волос.

– Кому какое дело до того, как я выгляжу? Я сижу рядом с подложным духом. Это, наверное, наложенное изображение самого Джулиуса, накрытого белой простыней.

– Это не подделка, Мэри Шелли. Джулиус считает, что твой посетитель, возможно, доказывает, что ты обладаешь ясновидением. Я сказала ему, что мне кажется, ты служишь проводником для увлеченного наукой духа твоей мамы.

– Проводником для ее духа? – фыркнула я. – Ты в своем уме? Мамина любовь к науке, скорее всего, у меня в крови, так же как и унаследованные от нее голубые глаза и форма рта. Именно на эту тему писал свои труды сэр Фрэнсис Гальтон.

Она глубоко вздохнула:

– А сэр Фрэнсис Галлон…

– Гальтон.

– Как бы там его ни звали, писал ли он о шестнадцатилетних девочках – о шестнадцатилетних девочках! – которые изобретают улучшенный вариант дверного звонка для своих проектов в рамках научных выставок?

– Он писал о том, что интеллект передается по наследству. Видимо, это как раз мой случай. Почему девочка не может быть умной? Это обязательно пытаться истолковать как сверхъестественное явление?

– Я не говорю, что ты не можешь быть умной. Более того, тебе с твоим научным складом ума следовало бы увлечься исследованием сообщения между миром духов и смертных. Это ничем не отличается от загадки телефонных проводов и электрического тока.

Я снова обернулась к фотографии и, прищурившись, присмотрелась к «привидению».

Тетя Эва подошла ближе.

– Джулиус – хороший человек. Сейчас он специализируется на духах павших солдат. Видишь это? – она указала на соседнюю рамочку со статьей из «Сан-Диего ивнинг трибьюн».

Статья от 22 сентября содержала три фотографии одетых в темное людей, вероятно родителей и жен, за спинами которых виднелись силуэты молодых людей в военной форме армии США. На плечах людей покоились призрачные руки. Лица предполагаемых духов были скрыты дымкой.

– Ты все еще ходишь к Джулиусу? – спросила я.

– Сначала я перестала. – В ее голосе послышался холодок. – После того, что произошло в тот день между тобой и Стивеном, я чувствовала себя слишком униженной.

Я вздрогнула.

– Но потом умер Уилфред, – продолжала она, не дав мне вставить ни слова. – Фотография Джулиуса помогла мне справиться с горем.

Она кивнула на маленький снимок, на котором рядом с ней самой был силуэт стройного мужчины, которого можно было бы принять за моего дядю, если смотреть на изображение расконцентрированным взглядом.

– Я чувствовала себя виноватой за то, что не относилась к Уилфреду с достаточным вниманием, когда он так страдал от своей болезни. – Она разгладила фото подушечкой большого пальца. – Но Джулиус и его мать всегда были мне рады и тепло улыбались, когда я приходила в гости. Он уже несколько раз сфотографировал нас с Уилфредом.

– Разумеется, за высокую цену, – пробормотала я.

– Прекрати критиковать Джулиуса. Вот, почитай последний параграф в этой статье из «Трибьюн». – Она постучала по стеклу рамки со статьей грязным от работы на верфи ногтем. – У нас тут есть один фотоэксперт по имени Алоизиус Дарнинг, который разоблачает фотографов-спиритуалистов по всей стране. В Лос-Анджелесе он даже отправил парочку шарлатанов за решетку. Но в работе Джулиуса он не может найти ни следа подделки. Он посещал мою церковь до закрытия на карантин, и я слышала, как он говорит о ду?хах Джулиуса.

Я наклонилась к статье и прочла о ловце мошенников:

Мистеру Алоизиусу П. Дарнингу, прославившемуся способностью ловить за руку жуликов, которые подделывают изображения ду?хов, по-прежнему не удается найти ни малейших доказательств того, что мистер Эмберс – шарлатан, к немалой досаде мистера Дарнинга.

– И все равно в это невозможно поверить. – Я покачала головой. – Стивен сказал мне, что все это делишки наркомана и пройдохи.

– Джулиус не наркоман.

– Стивен упоминал опиум.

– Может быть, лгал как раз Стивен? Тебе это не приходило в голову?

Она плюхнулась на разбросанные на диване цветастые подушки и развязала шнурки ботинок, выпустив наружу запах потных ног.

– Стивен всегда завидовал успеху брата.

У меня внутри все оборвалось.

– Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени?

– Я хотела сказать… летом батальон Стивена передислоцировали во Францию.

– Я знаю. Мы продолжаем переписываться.

Она побледнела.

– О, Мэри Шелли… – Она вытянула ноги перед собой. – Ты не должна поддерживать с ним контакт. Твой отец об этом знал?

– Он видел, что я получаю письма от Стивена.

– Нет, – произнесла она, – он знает о том, что произошло между вами, когда ты была здесь в прошлый раз?

– Он не знает вымышленной версии, изложенной тебе Джулиусом.

– Зачем Джулиусу лгать о том, что он видел?

– Я еще в апреле рассказала тебе о том, что они поссорились со Стивеном.

Она стянула с ноги правый ботинок, избегая встречаться со мной взглядом.

Я опустилась в кресло-качалку напротив дивана.

– Что сказал тебе Джулиус о местонахождении Стивена? Их мать получала какие-нибудь письма?

– С тех пор как Стивен прибыл в Европу, только одно.

– Когда это было?

– Кажется, в июне или июле.

– Мое последнее письмо от него датировано двадцать девятым июня. Это было сразу после того, как он оказался во Франции. Больше писем не было. – Я положила руки на живот. – Почему он после этого больше никому не писал? Его семья считает, что с ним все в порядке?

Она со стоном сняла второй ботинок.

– Насколько мне известно, да.

– Почему его брат не пошел воевать?

– Призывная комиссия его забраковала. У него плоскостопие.

– О, бедный Джулиус. – Я закатила глаза. – Я уверена, что стопы доставляют ему невыносимые страдания.

– Я искренне надеялась, что шести месяцев тебе хватит, чтобы успокоиться насчет Джулиуса. Он пригласил тебя завтра на еще одну бесплатную съемку. И у него что-то есть для тебя от Стивена.

– Пакет?

– Ты о нем знаешь?

– Стивен твердит о каком-то пакете, который он попросил свою маму отправить мне перед своим отъездом, но я так ничего и не получила. Почему она его не отослала?

Тетя Эва, не отвечая на мой вопрос, потерла подошву ноги. На ее черном чулке была огромная дырка. Оберон издал гневный вопль – вне всякого сомнения, чтобы разрядить повисшее в комнате напряжение.

– Тетя Эва, почему она его не отослала?

Лицо тети вспыхнуло.

– Вероятно, миссис Эмберс считала, что эти отношения не пойдут никому из вас на пользу. Вы оба слишком юные для подобной близости, к тому же неженатые, Мэри Шелли. Тебе не следовало оставаться в той комнате наедине со Стивеном.

– Мы не…

– Мне понадобилось два месяца, чтобы решиться встретиться с его семьей. И то я отважилась на это только после того, как миссис Эмберс нашла меня, наткнувшись на некролог Уилфреда.

Я вскочила, намереваясь схватить свои пожитки и сбежать наверх.

– Мэри Шелли…

– Когда я была маленькой, папа следил за тем, чтобы я держалась как можно дальше от брата Стивена. – Я схватила свои вещи. – Но ты ведешь себя так, будто Джулиус святой. Он оболгал нас со Стивеном, а ты его боготворишь.

– Перестань. Прошу тебя, перестань. – Она продолжала массировать свою смрадную стопу. – Я знаю, что ты расстроена из-за Стивена и своего папы, к тому же я всего на десять лет старше тебя…

– Я всего лишь хочу, чтобы ты знала: то, что в тот день произошло между мной и Стивеном, было в тысячу раз невиннее того, что рассказал тебе Джулиус. Умоляю тебя поверить своей собственной плоти и крови, а не этому другу, который наживается на войне и смертях.

Она опустила голову.

– Пожалуйста, тетя Эва.

– Джулиус был так добр ко мне, – произнесла она. – Ты не понимаешь, как трудно быть одной, когда рушится весь мир.

– Нет, понимаю. Еще как понимаю.

Тетя посмотрела на меня, и ее взгляд смягчился. Она отпустила ногу и вздохнула так тяжело, что я почувствовала, как тетя смертельно устала от всего, в том числе от нашего разговора.

Я тоже глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– Несмотря на эту проблему с Джулиусом, я благодарна за то, что сейчас мы вместе. И я очень ценю то, что ты позволила мне жить здесь, ни словом не обмолвившись о той опасности, которую папа представляет для членов семьи, все еще находящихся в Орегоне.

Она гордо вскинула голову.

– Спасибо. Я переживаю о своих братьях с того самого момента, как во время твоей последней поездки мы увидели, как те люди избивают немца. Такая швейцарско-немецкая фамилия, как Бошерт, теперь внушает некоторым людям страх.

– Знаю. Неумение разбираться в людях – это ужасно.

Она снова занялась своей стопой, сделав вид, что не понимает, что я продолжаю говорить о Джулиусе.

– Мэри Шелли, сними с себя эту одежду, – произнесла она так устало, что мне стало за себя стыдно. – Я наберу тебе ванну. Когда поднимешься наверх, взгляни на тумбочку возле кровати. Я оставила тебе кое-что, что принадлежало Уилфреду.

– Спасибо. – Я откашлялась. – Пойду посмотрю, что там.

Я пошла наверх, грохоча чемоданом по деревянным ступенькам.

Подарок, который она оставила для меня в моей комнате, оказался тяжелым медным морским компасом, заключенным в футляр из красного дерева размером с большую шкатулку для драгоценностей; он достался Уилфреду по наследству от дедушки-моряка. Роскошный прибор.

Пока в трубах ревела набегающая в ванну вода, я бродила по комнате с компасом в руках, проверяя, не скрывают ли заклеенные золотистыми обоями стены какого-нибудь металла, достаточно сильного, чтобы повлиять на стрелку. И на короткое время тяга к научным открытиям затмила воспоминания о лицах в масках в поезде, несшем меня на юг, о свисавших из фургона фиолетово-черных ногах, об отце, которого у меня на глазах били по животу, и о том, что первый юноша, которого я полюбила, рискует жизнью где-то в окопах во Франции.

Глава 3. «Тело»

Я беспокойно ворочалась, пытаясь улечься поудобнее на новом месте, отчего пружины матраса жалобно скрипели. Издалека доносился вой сирен карет скорой помощи. Мне не спалось. Мучительно хотелось снова увидеть Стивена, прикоснуться к нему. Соленый воздух, которым я дышала весь день, напомнил мне, что в последний раз мы были вместе всего в нескольких милях от дома тети Эвы – до гриппа, до ареста отца, когда Стивен еще жил дома, – на противоположном берегу бухты.

Я дотянулась до стоявшей на полу черной сумки и достала предпоследнее письмо Стивена. На нем стояла дата – 30 мая 1918 года. Из конверта выпала вложенная им в письмо фотография – портрет, сделанный в студии, куда все новобранцы из Кэмп-Кирни ходили фотографироваться в военной форме. Он был одет в облегающую, застегнутую под самое горло гимнастерку, узкие брюки, заправленные в сапоги до колен, и полевую шляпу с полями, как у рейнджеров, скрывающую его короткие русые волосы. Он стиснул зубы, явно пытаясь выглядеть на снимке серьезным и решительным, но больше напоминал готового отправиться в лагерь скаута.

Слова, выведенные ровным почерком, поблескивали в ярком свете масляной лампы.

Дорогая Мэри Шелли!

Скоро нас отправят за океан, хотя я только начал подготовку. Очевидно, в Европе в нас отчаянно нуждаются. В ближайшие недели нас посадят в поезд, чтобы доставить на восточное побережье, а затем на корабль, на котором мы пересечем Атлантический океан.

Я все думаю, почему ты не отреагировала на пакет, который я приготовил для тебя утром перед отъездом. Сначала я переживал, что каким-то образом задел тебя своим подарком… или обидел своим поцелуем. Но если бы это было так, ты бы мне прямо об этом сказала, верно? Ты никогда не вела себя ни застенчиво, ни уклончиво. Поэтому я пришел к выводу, что ты его так и не получила.

Если ты на меня не сердишься, я бы очень хотел узнать, как у тебя дела, и получить твою фотографию. Прилагаю адрес армейской почты, по которому ты можешь мне писать, где бы я ни находился, даже на другом континенте. Те твои снимки, которые у меня есть, были сделаны еще тогда, когда ты носила на голове огромные банты. Кажется, что эти огромные шелковые ленты, будто птицы, вот-вот слетят с твоей макушки. Я изо всех сил стараюсь помнить тебя взрослой: твою обворожительную улыбку и незабываемый взгляд голубых глаз, в которых, казалось, отражалось именно то, что я чувствую.

Если ты не хочешь связывать себя с человеком, отправившимся на войну, я пойму. После того как твоя тетя в тот день поспешно увела тебя из моего дома, после того как Джулиус рассказал неправду о том, что произошло, мать на меня накричала и назвала жестоким. Она напомнила мне, что ты только начинаешь жить, и сказала, что такой умной девушке, как ты, совершенно незачем ломать себе жизнь ради парня, идущего на войну.

Ты можешь меня не ждать, Шелл. Я отдаю себе отчет в том, что тебе лучше жить, не беспокоясь обо мне. Но если все же тебе захочется держать со мной связь, если ты все же думаешь обо мне, я был бы счастлив получать от тебя письма. Я очень по тебе скучаю.

Любящий тебя Стивен

P. S. Жаль, что у меня нет твоих очков, которые, предположительно, дают возможность видеть будущее. Сейчас они бы мне очень пригодились.

Я улыбнулась, прочтя последнюю строчку, и снова склонилась над своей черной сумкой. В глубине одного из боковых карманов лежали мои летные очки с жесткими кожаными ремешками – подарок тети Эвы. Она купила их, чтобы заглушить воспоминания о толпе, избивающей немца на Либерти-Лоун-драйв во время моего последнего приезда. Мы оказались в гуще событий как раз в тот момент, когда полиция уводила пострадавшего, надев на него наручники. Его правый глаз заплыл, а нос и рот превратились в кровавое месиво. Мужчины со вздувшимися на лбу синими венами злобно выкрикивали что-то вроде чертова немчура и проклятый Ганс, не обращая внимания на женщин и детей.

Я постаралась отогнать воспоминание об этом жестоком эпизоде, надела очки, туго застегнула ремешки и снова откинулась на прохладные простыни, глядя сквозь выпуклые стекла на белый потолок. Письмо Стивена лежало у меня на животе. И хотя оно было легкое как перышко, я отчетливо ощущала его. Я подумала, что заверения продавца о том, что очки имеют магические свойства, могут быть правдой, как бы абсурдно это ни звучало. Я надеялась увидеть сквозь стеклянные линзы судьбу мира.

Но будущее не открывалось.

Только прошлое.

Я увидела, как двадцать шестого августа выхожу из поезда, чтобы отметить свое шестнадцатилетие в новом городе Стивена… и помочь тете Эве отвлечься от мыслей об угасающем в пансионате для туберкулезников муже. Они с дядей Уилфредом переехали в Сан-Диего в поисках более полезного для него климата, и я воспользовалась этой возможностью повидать ее, а также, возможно, снова встретиться со старым другом. Тогда лица окружающих еще не были скрыты марлевыми масками. Солдаты и матросы, прибывающие сюда для подготовки перед армией, улыбались лучам южнокалифорнийского солнца и хлопали друг друга по спине, как будто приехали в отпуск. В воздухе звенел смех, слышались разговоры о войне, а духовой оркестр играл жизнерадостный мотив «Там, далеко»[3 - Over there – американская патриотическая песня времен Первой мировой войны.].

Тетя Эва встретила меня на платформе в белом кружевном платье длиной до середины икр. Ее белокурые волосы, тогда еще длинные, до талии, были собраны на затылке в блестящие локоны.

Едва мы покинули вокзал, на котором было шумно из-за новобранцев и звуков музыки, я спросила ее:

– Ты, случайно, не виделась с семьей моего друга Стивена Эмберса, после того как переехала сюда?

– Виделась. – Она задела ногой мой покачивающийся чемодан, помочь нести который не предложила. – У Джулиуса теперь семейная фотостудия. Он фотограф-спиритуалист – на его снимках проявляются изображения умерших, которые вернулись, чтобы навестить своих близких.

– Я знаю, – кивнула я, щурясь от палящего солнца. – Стивен упоминал об этом в одном из писем. Мне показалось, он не в восторге от занятия брата. И с тех пор, как их отец скончался в январе, я получила от него только одно письмо. Я очень беспокоюсь за Стивена.

– Я позировала Джулиусу.

– Да ну?

– Пару раз. – Несмотря на отражавшееся в ее круглых очках солнце, я заметила странный огонек, заплясавший в ее карих глазах. – Я увидела его имя в газете, когда он организовал в феврале выставку своих работ, и была просто ошеломлена, увидев его фотографии. По моей просьбе он пытается вызвать твою мать и бабушку Эрнестину.

Я остановилась как вкопанная.

– Моя мама и бабушка Эрнестина проявились… на спиритуалистической фотографии?

– Ну да. – Она искоса взглянула на меня. – Во время трех сеансов Джулиусу удалось снять изображения двух светящихся фигур у меня за спиной, но их лица

нам пока полностью не видны. Я сказала ему, что ты очень похожа на мать. Объяснила, что она назвала тебя в честь Мэри Шелли[4 - Мэри Шелли (1797–1851) – английская писательница, автор романа «Франкенштейн, или Современный Прометей». Ее мать умерла через месяц после рождения дочери; отец и его друзья, помогавшие ему воспитывать девочку, вырастили ее «философом, даже циником». Биография и характер героини романа перекликаются с судьбой ее знаменитой тезки.] из любви к науке, и он считает, что тебе, возможно, удастся склонить ее дух материализоваться.

– Что? Нет! – Я с грохотом опустила чемодан на землю. – Папе не понравилось бы, если бы я стала позировать для Джулиуса Эмберса. Джулиуса вечно ловили в школе за выпивкой и курением, и он то и дело ввязывался в драки и всякие переделки.

Тетя Эва шмыгнула носом.

– Он исправился. Теперь он настоящий джентльмен – высокий и красивый, с прекрасными черными волосами. Ему едва исполнилось двадцать два года, а он уже одаренный фотограф-спиритуалист.

От удивления я открыла рот.

– Послушать тебя, так ты в него влюблена!

– Не говори так, Мэри Шелли. Я замужняя женщина, и мой муж смертельно болен. Я просто восхищаюсь работой этого человека.

– Ты покраснела.

– Прекрати. – Она хлопнула меня по плечу затянутой в белую перчатку рукой. – Я записала тебя на сеанс в домашней студии Джулиуса через два дня, и если ты будешь хорошо себя вести, уверена, что сразу после этого ты сможешь увидеть его брата.

Я потерла плечо. При мысли о том, что я буду позировать распутному Джулиусу Эмберсу, находясь в непосредственной близости от него, мне стало противно.

И все же… У меня в руках был входной билет в дом Стивена – билет на допуск к самому Стивену, что полностью соответствовало моим намерениям, когда я выходила из поезда на платформу.

Через два дня мы с тетей Эвой пересекли бухту Сан-Диего, чтобы попасть в дом Эмберсов на острове Коронадо. В Портленде семья Стивена жила в точно таком же районе, как и мы, где дома были расположены очень близко друг к другу.

Однако их новое жилище – летний дом бабушки и дедушки Стивена, унаследованный его семьей в 1914 году, – представляло собой огромное строение на берегу океана, с большими окнами под крышей цвета какао. Рядом возвышалось чудовищное сооружение из кирпича, которое было похоже на Торнфилд-холл, сошедший со страниц романа «Джейн Эйр», или любой другой величественный особняк среди английских пустошей. Входя в этот новый роскошный мир, я чувствовала себя ничтожной песчинкой из бывшей жизни Стивена.

Встретивший нас Джулиус пошутил о том, какой серьезной крошкой он меня запомнил. Он сфотографировал меня в своей ледяной студии в семейной гостиной, а после миссис Эмберс – крупная женщина с черными как смоль волосами, разделенными пробором надвое и уложенными на затылке, – пригласила нас с тетей Эвой на чай в залитой весенним солнцем столовой. Сквозь открытые окна до нас доносился шум бьющихся о берег волн Тихого океана. Тринадцать фотографий пляжей Коронадо украшали обшитые темным деревом стены.

– Где Стивен? – спросила я, не в силах даже притронуться к лимонному пирогу миссис Эмберс.

В предвкушении встречи с ним я потеряла аппетит.

– Я как раз задавалась этим вопросом. – Миссис Эмберс откинулась назад, скрипнув стулом, и позвала, обернувшись к открытой двери столовой: – Стивен! Прошу тебя, спустись и поздоровайся со своей подругой. Стивен!

Я напрягла слух, но ничего не услышала. У меня на затылке выступил пот. «Стивен меня избегает, – поняла я. – Он не писал мне с момента смерти отца, потому что я ему надоела».

Миссис Эмберс вздохнула и снова начала помешивать чай с бергамотом.

– Наверное, он наверху – собирается.

– Куда собирается?

– Разве он не рассказал тебе об этом в одном из своих писем?

– Не рассказал о чем?

– Завтра он уходит в армию.

Мне показалось, что кто-то с силой ударил меня в грудь. Я вцепилась в край стола.

Тетя Эва схватила меня за руку выше локтя:

– Мэри Шелли, ты в порядке?

Я смотрела в свою чашку с чаем и пыталась отдышаться. У меня в голове крутились слова миссис Эмберс.

Завтра он уходит в армию.

Как я знала, дядя одной из моих одноклассниц в Портленде лишился половины тела во время мощного взрыва на поле боя во Франции. Неделей раньше наш восемнадцатилетний сосед из Портленда Бен Лэнгли умер от воспаления легких в тренировочном лагере в Северной Калифорнии.

– Мэри Шелли?

Я откашлялась, снова обретая способность говорить.

– Я не знала, что Стивен идет в армию. Ему и восемнадцать-то исполнится только в июне. Зачем ему туда идти?

– Около месяца назад он сказал, что хочет уйти из дома. – Миссис Эмберс промокнула каплю чая, не позволив ей оставить пятно на скатерти. – Он будет проходить подготовку в Кэмп-Кирни, тут рядом, к северу от города, но он говорит, что не хочет даже приезжать домой, если его отпустят в увольнительную. Смерть отца стала для него тяжелым ударом.

– Как грустно, – кивнула тетя. – А Джулиус не пытался помочь Стивену справиться с горем? Возможно, если бы дух отца проявился на фотографии…

– Нет, этому никогда не бывать. – Миссис Эмберс улыбалась, но ее карие глаза увлажнились. – Мои мальчики – полные противоположности друг другу. Каждая их встреча напоминает извержение вулкана.

Мне не сиделось на месте. Я должна была найти Стивена.

– Миссис Эмберс, вы позволите воспользоваться вашей ванной комнатой?

– Разумеется. Проходи мимо лестницы, первая дверь справа перед кабинетом.

– И сними свои дурацкие очки, – произнесла тетя Эва, потянув за кожаный ремешок моих летных очков.

Миссис Эмберс усмехнулась.

– Я обратила внимание на эти очки. Помню, в детстве, Мэри Шелли, ты всегда носила с собой какую-нибудь новую штуковину.

– Я купила их ей вчера на Либерти-Лоун-драйв. – Тетя Эва кивнула в мою сторону. – Какой-то торговец с желтыми, как у мула, зубами пытался убедить ее, что в них она сможет видеть будущее, и мне кажется, она ему почти верит.

– Надеюсь, что они будут моим счастливым талисманом. – Я встала с грацией человека, пытающегося отстоять право на собственное мнение. – Ты же знаешь, что мне всегда нравились летные очки.

– Но незачем носить их, не снимая, – вздохнула тетя. – Парни посматривали на нее с удивлением, когда она ходила в них по парку Хортон-Плаза. Видели бы вы

выражение их лиц!

– На Либерти-Лоун-драйв я не пыталась произвести впечатление на мальчиков. – Я крепко стиснула спинку своего стула. – Мне просто очень хотелось увидеть, есть ли в моем будущем что-нибудь, кроме войны. Спасибо за чай, миссис Эмберс.

– На здоровье, дорогая.

Удаляясь вглубь дома, я слышала, как тетя Эва объясняет мой интерес к летным очкам, электричеству, анатомии и технике, как будто я какой-то странный экземпляр – редкостная самка scientificus североамериканская.

– Я не знаю, помните ли вы, но моя старшая сестра, ее мать, была врачом, – тихо произнесла она, видимо считая, что я ее не слышу. – Мэри Шелли, похоже, канализирует любовь Амелии к исследованиям и технологиям. Эта девочка ко всему относится с интересом и очень своенравна.

Темные панели с витиеватыми древесными узорами покрывали все стены, пол и потолок в вестибюле дома Эмберсов – огромном помещении, похожем на трюм корабля. Над головой висела медная лампа. Я не удивилась бы, если бы пол под ногами закачался, как на волнах.

Я прошла по доскам пола под тиканье огромных старинных часов, висевших под потолком в противоположном конце вестибюля. Замедлив шаг, я надела очки и с любопытством подошла к часам. Минутная стрелка призрачным пальцем тянулась к двенадцати на циферблате в виде луны с глазами, ртом и похожими на оспины кратерами. Внутри скрежетали металлические шестеренки – все эти блестящие детали, благодаря идеально точному совмещению которых эта штуковина работала. Маятник раскачивался вперед-назад, вперед-назад, гипнотизируя меня поблескивающей медью.

– Парни, которые поглядывали на тебя с удивлением, не ценят оригинальность.

От неожиданности я отскочила назад.

Сквозь линзы очков я увидела красивого юношу, похожего на повзрослевшего Стивена, которого я помнила, с темно-каштановыми волосами и глубокими темными глазами, устремленными на меня с любопытством. Он сидел внизу лестницы с книгой в руке, вытянув перед собой ногу. На рукаве белой рубашки была черная траурная повязка. На шее был серый шелковый галстук, который придавал юноше гораздо более взрослый и благородный вид по сравнению с другом моего детства из Портленда.

У меня даже дух захватило.

– Тот Стивен Эмберс, которого я когда-то знала, не увлекался подслушиванием.

– Тебя действительно кто-то попытался убедить, что в этих очках ты сможешь увидеть будущее? – спросил он.

– Да.

– И что ты увидела?

– Всего лишь человека, который прячется в глубине дома, вместо того чтобы выйти к другу, которого он не видел тысячу лет.

Он улыбнулся, и на его щеке появилась ямочка, о которой я совсем забыла.

Я улыбнулась и опустила очки под подбородок.

– Ты перестал вести себя как джентльмен, Стивен. Я помню, как ты вскакивал, стоило кому-то из дам войти в комнату.

– Я просто потрясен тем, что ты теперь тоже леди. – Он оглядел меня с ног до головы. – Ты была такой маленькой и тощей.

– А ты ходил в шортах, подчеркивавших твои острые коленки и сползшие носки. И еще у тебя вечно висел через плечо старый потертый рюкзак с фотокамерой.

Он расхохотался.

– У меня все еще есть этот рюкзак.

– Что ж, рада слышать, что не все изменилось. – Я подошла ближе, чувствуя, что мое сердце бьется вдвое чаще обычного. Щеки горели, как в лихорадке. – Почему ты здесь прячешься, вместо того чтобы выйти ко мне?

– Потому что… – Ямочка на щеке исчезла. – У меня сложилось впечатление, что ты пришла к моему брату, а не ко мне.

– Что за нелепое предположение! Если бы я не согласилась позировать для фотоснимка, тетя ни за что не позволила бы мне сюда прийти. Она очарована работой твоего брата.

Стивен закрыл книгу – «Таинственный остров» Жюля Верна.

– Шелл, Джулиус – мошенник. Он выцыганит у тебя деньги быстрее, чем торговец очками. Ты позволила ему себя сфотографировать?

– Думаю, сейчас он уже проявляет снимки.

– Значит, ты попалась. – Он оглянулся через плечо, бросив взгляд на балюстраду лестницы, и снова повернулся ко мне. – Почему ты позволила ему это сделать? Я думал, что ты-то уж точно не такая легковерная, как другие.

– Я не сказала, что верю ему.

– Это хорошо.

– Почему ты так уверен, что он мошенник?

Он выпрямился.

– Отец рассказал мне, как Джулиус создает своих призраков – фальсифицируя пластинки с помощью наложения кадров, повреждая свой мозг огромным количеством опиума – до такой степени, что сам начинает верить, что ошибки, допущенные им во время проявления пластин, – и в самом деле призрачные сущности.

– Джулиус – опиумный наркоман?

– Тебя это удивляет?

– Ну… – Я слышала рассказы о художниках и прочих порочных личностях, которые посещают темные опиумные притоны и курят наркотик через длинные трубки, пока у них не начинаются галлюцинации. Но никогда в жизни я не водила знакомства с кем-то, кто это делал. Я закрыла приоткрывшийся от удивления рот. – Полагаю, твоему брату понравилось бы что-то подобное.

Стивен вытянул вторую ногу.

– А еще он между клиентами включает вентилятор над глыбами льда, чтобы охладить воздух. Пытается создать впечатление, что вокруг студии витают призраки.

– Это правда?

– Правда. Я его за этим застал. И он всю ночь держит окна открытыми, чтобы в них проникала морская свежесть. Он запирает дверь в студию, чтобы я не мог входить, но я забираюсь через окна и закрываю их, чтобы защитить оборудование. Он собирается ставить решетки, чтобы оградиться от меня.

Я была разочарована, несмотря на то что всячески демонстрировала неверие в спиритуалистические фотоснимки.

– Бедная моя тетя. Она убеждена, что Джулиус разыщет для нее моих маму и бабушку.

– Скажи ей правду. Для меня невыносимо наблюдать, как люди отчаянно ищут доказательств загробной жизни, так что ради общения с умершими готовы пожертвовать буквально чем угодно. – Стивен поджал губы и большим пальцем потер кожаную обложку «Таинственного острова». – Я слышу, как они плачут, получая готовые фотографии. Это ужасно. Они реагируют на снимки Джулиуса, как пьяница, жаждущий выпивки.

Мне показалось, что из глубины коридора донесся скрип половицы. Я бросила взгляд в сторону входной двери, из-за которой пробивался солнечный свет, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает.

Тетя Эва и миссис Эмберс хихикали над чем-то в столовой.

Не считая этого, в доме царила тишина.

Я снова обернулась к Стивену и, понизив голос, спросила:

– Почему Джулиус так поступает с людьми? Я думала, что он не хочет иметь ничего общего с фотографией.

– Он и не хотел, но на минувшее Рождество на одной из папиных фотографий проявилось странное призрачное изображение, и Джулиус начал показывать этот снимок праздношатающимся богатым туристам. Он утверждал, что спасает папин бизнес, наконец-то привлекая в него серьезные деньги. Папа был в ужасе от того, что его студию превратили в какой-то аттракцион. Возможно, и сердце у него отказало отчасти из-за этого.

– Мне очень жаль. – Я обвила рукой гладкую стойку перил в начале лестницы, стоя так близко к Стивену, что до меня донесся запах его цитрусово-лаврового лосьона после бритья. – Я знаю, что вы с ним были очень близки.

Он отвернулся в сторону так, что я видела только его профиль. Его глаза заморгали. Я видела, что он борется с подступающими слезами.

– Ты всегда говорила мне… – Его голос сорвался от волнения. – Ты всегда говорила, что тебе кажется, будто ты живешь без какой-то очень важной части.

Я прикусила губу и кивнула. Я часто говорила, что живу без какой-то важной части, потому что моя мама умерла в день, когда я родилась.

– Да.

– Теперь я знаю, как это. – Он откашлялся и, справившись с волнением, задышал ровнее. – Это мучительно.

– Со временем тебе станет легче. Ты всегда будешь чувствовать, что чего-то недостает, но тебе станет легче.

Он взглянул на меня покрасневшими глазами и взялся за ближайшую к моей руке опору перил.

– Я так рад снова видеть тебя, Шелл. Я по тебе скучал.

– Я тоже по тебе скучала. – Комок в горле мешал мне говорить. – Знаешь, ты по-прежнему единственный мальчик, который никогда не насмехался над моими научными экспериментами и одержимостью техникой.

– Я уверен, что ты изменилась, ведь теперь ты выглядишь… – на его губах снова показалась улыбка, – старше.

Я покачала головой и почувствовала, как зарделись мои щеки.

– Все стало еще хуже. Меня по-прежнему обзывают Чудовищным Мозгом и Франкенштейном, но к этому теперь добавились мерзкие шуточки относительно меня и какого-то похотливого старого профессора, который живет неподалеку от школы. Девочки тоже бывают ужасны.

– Я уверен, что все они просто чувствуют себя ничтожествами по сравнению с тобой. Скорее всего, разговаривая с тобой, они боятся показаться глупыми.

– Это никогда не мешало тебе разговаривать со мной.

– Что? – У него даже рот слегка приоткрылся. – Эй!

Он усмехнулся – я не помнила, чтобы раньше он смеялся таким низким гортанным смехом – и локтем толкнул мою руку.

Я хихикнула и толкнула его в ответ, хотя больше всего на свете мне хотелось обвить его руками и крепко к нему прижаться.

– Стивен! – донесся из столовой голос его матери. – Ты здесь? Ты нашел Мэри Шелли?

– Покажи мне свои новые фотографии, прежде чем нам придется вернуться к дамам, – прошептала я.

– Они удивятся, что тебя так долго нет.

– Мне все равно.

– Хорошо.

Он положил «Таинственный остров» на ступеньку и встал, выпрямившись в полный рост. Он был сантиметров на десять выше меня, хотя, вероятно, сантиметров на пятнадцать ниже своего высокого братца. Я обратила внимание на скрытые белой рубашкой мускулистые руки и плоский живот и почувствовала, что краснею. Мне даже захотелось снова надеть очки в попытке скрыть физическую реакцию на него.

Стивен провел меня в одну из расположенных в глубине дома гостиных, оклеенную переливчатыми сине-зелеными обоями. В центре комнаты стояли стулья и диван с розоватой обивкой, напоминающей внутренности раковины. В воздухе стоял сладковатый аромат сухой лаванды, расставленной в вазах. На стенах были блестящие коричневатые фотографии в рамочках – пейзажи, портреты членов семьи, натюрморты.

Стивен направился в угол позади самого большого кресла, снял с гвоздя одну из рамочек и принес мне. Это было изображение бабочки монарх, пьющей нектар из розы. Хотя снимок был выполнен в коричнево-белых тонах, переходы тонов на крыльях бабочки были настолько отчетливыми, что мне показалось, будто я смотрю на ярко-оранжевое насекомое на нежно-желтом цветке.

– Это одна из самых любимых, – произнес он.

– Она бесподобна. Как тебе удалось сфотографировать бабочку? Они ведь так быстро улетают.

– Отец научил меня сидеть совершенно неподвижно, фокусируясь в нужном направлении. Я целый час сидел в нашем саду, прежде чем мне удалось поймать момент.

– Стивен, ты самый терпеливый человек из всех, кого я знаю. Мне бы хотелось, чтобы я хоть немного была похожа в этом на тебя.

– Ты очень терпелива, когда увлеченно работаешь над каким-то проектом.

– Не настолько, как ты. – Я протянула руку и коснулась рамки возле его пальцев. – Что ты написал тут внизу? – Я прищурилась, пытаясь прочесть три слова в нижнем правом углу. – «Тело»?

– Это тайное название. Джулиус насмехается над названиями, которые я даю своим снимкам, поэтому я превращаю настоящие названия в анаграммы, чтобы он ничего не понял.

– Интересно… дай подумать… «Тело»… – Я изучала слова, разбирая их на буквы и снова собирая в единое целое, как будто складывая в уме кусочки пазла. – Те… ло? Идея – «Лето».

– Ничего себе. – Он улыбнулся. – В детстве ты не была такой быстрой.

– Научилась у тебя.

– Я ухожу на войну, Шелл.

Эти слова вырвались у него, поразив меня так, будто мне в лицо плеснули ледяной воды.

– Знаю. – Я даже слегка попятилась. – Твоя мама мне уже сказала. Скажи мне, бога ради, зачем ты идешь? Ведь тебе осталось совсем немного до окончания школы. Я думала, ты поступишь в колледж.

Он перевел взгляд вправо, на окно.

– Я должен выбраться из этого дома. На этом острове все становится испорченным или развращенным. Здесь столько богатства, эгоизма и роскоши. Я больше не могу быть частью всего этого.

– Ты бежишь?

– Не знаю. – Его пальцы подвинулись по рамке ближе к моим. – Возможно.

– Будь осторожен, Стивен.

Он опустил взгляд.

– У моего отца был шрам, полученный им на испано-американской войне, – произнесла я. – Помнишь ту вертикальную розовую линию на его левой щеке?

Стивен кивнул:

– Помню.

– Он говорит, что это делает его лицо более решительным, но я, глядя на него, всегда боялась войны.

– Со мной все будет хорошо.

Он посмотрел мне в глаза с таким выражением, что показалось, он не совсем верит в собственные слова. Он не сводил с меня глаз, и я чувствовала себя так, будто он собирается наклониться и поцеловать меня, хотя мы с ним никогда этого не делали. Мы стояли так близко, что я чувствовала его мятное дыхание, заглушающее даже запах его лосьона.

Я скользнула пальцами по рамке, наконец коснувшись его руки.

– Пожалуйста, береги себя. Далеко не у каждого достаточно терпения, чтобы сфотографировать бабочку.

Он улыбнулся мне одновременно благодарно и грустно.

Я сглотнула, а он продолжал всматриваться мне в глаза, как будто пытаясь сказать что-то, что ему не удавалось облечь в слова. Пространство между нами сжалось. Наше дыхание участилось, в конце концов превратившись в единственный звук в этом доме. Мое сердце билось так, будто я собиралась спрыгнуть с высокого утеса.

Я не успела ничего ляпнуть, тем самым разрушив очарование момента, потому что он привлек мое лицо к себе и поцеловал. Сначала я покачнулась, но затем закрыла глаза и обняла гладкую шею Стивена, наслаждаясь его теплыми жаждущими губами. Обняв рукой за талию, он привлек меня еще ближе. Наши тела соприкоснулись. Рамка с фотографией оказалась зажата между нами. Он обхватил меня обеими руками и прижал к себе так сильно, как будто, целуя меня, он прощался с жизнью.

Из вестибюля донесся оглушительный звук. Часы пробили одиннадцать раз. Никто из нас не произнес ни слова – мы просто тяжело дышали, продолжая стоять, прижавшись друг к другу. Наши губы разделяло лишь несколько сладостных сантиметров. Мои пальцы поглаживали линию его волос на затылке – интригующе колючую и мягкую одновременно.

Звук затих.

– Стивен! – позвала его мать.

Нас охватило почти физически ощутимое волнение. Стивен взял меня за руку, увлек к двери и закрыл ее. Мы были одни. Он снова меня поцеловал, отчего мы оба на мгновение потеряли равновесие, и я врезалась спиной в бирюзово-синюю стену.

Его губы оставили мой рот и начали покрывать поцелуями шею.

– Твои очки мне мешают, – прошептал он.

Я фыркнула и попыталась сдернуть их через подбородок, но они застряли. Он помог дотянуть ремешки до макушки и тут же вернулся к моей шее. Сладостный холодок от прикосновений его губ пробежал по всему моему телу – от шеи до пальцев ног. Я снова закрыла глаза и вздохнула так, как еще никогда не вздыхала, растворившись в его головокружительном аромате, в его руках,

сжимающих мои бедра, в интимных прикосновениях его рта к моей обнаженной коже, от которых мое сердце забилось чаще.

Дверь отворилась.

– Господи Иисусе, Стивен. Держи себя в руках.

Мы со Стивеном вздрогнули.

Очарование было разрушено.

Джулиус сжимал своей огромной ручищей, больше похожей на лапу, медную дверную ручку и усмехался, глядя на наши переплетенные тела и раскрасневшиеся лица. Его волосы были более темными и волнистыми, чем у Стивена, а его черты – более грубыми. Двухметровая фигура закрыла дверной проем.

– Так ты этим занимался с ней, когда вы были детишками? Я так и думал, что из тебя еще тот кобель вырастет.

– Оставь нас в покое. – Стивен привлек меня ближе к себе. – Дай нам еще пять минут.

Джулиус фыркнул:

– Ты думаешь, что я закрою эту дверь и позволю тебе испортить племянницу Эвы Оттингер, в то время как сама она сидит в соседней комнате? Ты вообще знаком с Эвой Оттингер?

– Бога ради, Джулиус, я не видел Мэри Шелли четыре года. Может, мы вообще больше никогда не увидимся. Дай нам еще пять минут.

Джулиус обдумывал просьбу, водя языком по внутренней стороне щеки. Он склонил голову, приоткрыл губы, и на мгновение мне показалось, что он собирается дать нам этот маленький, но драгоценный дар – время.

Вместо этого он кончиками пальцев распахнул дверь еще шире.

– Мэри Шелли, дамы вас ожидают.

У меня оборвалось сердце.

Джулиус сделал мне знак выйти из комнаты.

– Отпусти ее, Стивен.

– Ты говнюк, Джулиус, – произнес Стивен. – Я тебе этого никогда не прощу.

– Отпусти ее. Не дразни бедную девочку, перед тем как отправиться на другой конец света.

Стивен громко сглотнул. Положив ладонь мне на щеку, он изучал мое лицо, как будто создавал мое мысленное фото. Последовав его примеру, я запомнила все его черты до единой – его темные глаза и брови, нежный оттенок губ, побледневшие веснушки на щеках – память о летних днях, когда он забывал надевать кепку. Меня терзала мысль о том, что он, возможно, прав и я больше никогда его не увижу.

Он поцеловал меня в последний раз. Это был нежный и скромный поцелуй, допустимый в присутствии брата.

– Оставь себе «Тело», Шелл.

– Оставить себе? – Я ощутила рамочку в пальцах, прижавших фото к его спине. – Нет, я не могу!

– Снимок просто исчезнет со стены. Джулиус уже уничтожал мои работы.

– Почему?

– Не знаю.

Я увидела, как Джулиус стиснул челюсти.

– Но он твой брат.

– Сводный брат, – напомнил мне Стивен. – Всего лишь сводный. У нас разные отцы.

– И все же…

– Его отец был пьяницей и просто ужасно обращался с моей мамой, пока она наконец от него не ушла. А у агрессивных и вороватых пьяниц часто рождаются агрессивные вороватые дети.

Джулиус вырвал меня из объятий Стивена и швырнул его на спинку дивана. От удара диван сдвинулся, и Стивен с ужасным грохотом упал на пол.

– Зачем ты ей это сказал? – спросил Джулиус с искренней обидой в голосе.

– Совершенно очевидно, что я не лгу, – не поднимаясь с пола, ответил Стивен. – Ты сам подтвердил мои слова.

– Мэри Шелли, вернитесь к дамам.

Я не сдвинулась с места.

Джулиус впился в меня взглядом:

– Я сказал, уйдите.

– Что вы собираетесь с ним сделать?

– Сейчас же! – Джулиус бросился ко мне, и в его глазах было столько гнева и унижения, что я выскочила из комнаты.

Я убежала, проявив глупость и трусость. Бежала, оставив скорчившегося от боли Стивена лежать на полу.

Дверь захлопнулась. Внутри что-то врезалось в стену – раз, затем второй. Я услышала, как все рамки с фотографиями задребезжали от этих ударов.

Воцарилась тишина.

Дверь открылась, и Джулиус вышел, один.

Глава 4. Таинственный остров

19 октября 1918 года

На рассвете меня разбудили шаги.

Я открыла глаза и попыталась сориентироваться в незнакомом расположении моей новой спальни, но ночные тени продолжали таиться в углах и скользить по новой мебели. Мой дорожный сундук и скаутские ботинки сгрудились в кучу возле соснового платяного шкафа.

Стоял октябрь, весна давно прошла. Я находилась в доме тети Эвы в разгар пандемии как беженка. Стивен давно уехал.

Тетя не могла позволить себе пользоваться электричеством, и я увидела ее лицо в противогриппозной маске в свете свечи возле моей кровати.

– Почему ты в очках? – спросила она.

Я стянула с лица ремешки, ощущая рубцы на коже там, где резиновая оправа прижималась к лицу.

– Наверное, я в них заснула.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, а что? – Я подняла голову. – Я плохо выгляжу?

– Нет, просто я всю ночь беспокоилась, что ты в поезде заразилась и проснешься уже с гриппом.

– Я чувствую себя хорошо.

Я потерла сухие глаза.

– Через два часа мы пойдем в студию Джулиуса. Одевайся, давай позавтракаем. Еще нам нужно сделать мешочки с камфорными шариками, которые мы наденем на шею, чтобы этот запах не подпускал к нам микробы на пароме.

С этим она вышла из комнаты.

Свернувшись калачиком под одеялом, я смотрела, как солнце встает за кружевными занавесками моего окна. Портленд казался невыносимо далеким. Я спрашивала себя, когда состоится суд над отцом. После того как его заковали в наручники и ударили в живот, я схватила свои вещи, вышла через заднюю дверь и побежала на вокзал Портленд-Юнион, чтобы, как инструктировал меня отец, телеграфировать тете Эве. Я провела ночь на вокзальной скамье, пока утренний поезд не увез меня прочь. Никто не явился разыскивать шестнадцатилетнюю дочь мистера Роберта Блэка. В мире существовало слишком много других проблем, и некому было заниматься взрослым ребенком человека, обвиненного в государственной измене.

Мне стало больно дышать, поэтому я закрыла глаза и попыталась отогнать эти воспоминания.

Мыслями я обратилась к проблемам тети Эвы и бедному усопшему дяде Уилфреду. Он умер в июне в туберкулезной клинике, но что, если его дух вернулся в собственный дом? Несмотря на скептическое отношение к спиритуалистической фотографии Джулиуса и привидениям в целом, когда я в одиночестве лежала в постели, отдавшись во власть воображения, возможность жизни после смерти не казалась мне такой уж невероятной. Более того, я

убедила себя в том, что из соседней комнаты донесся кашель дяди Уилфреда, и это заставило меня выскочить из-под одеяла и начать одеваться.

Я открыла крышку своего дорожного сундука и поморщилась.

– Боже правый! Что за мрачный гардероб!

Мои платья и юбки были либо черными, либо темно-синими – настолько темными, что казались черными. Нехватка немецких красителей в стране лишила нашу одежду ярких цветов, отчего мы все выглядели так же безрадостно, как и мир вокруг нас. Я извлекла из чемодана темно-синее платье длиной до середины икры с воротником в матросском стиле и свободным галстуком того же оттенка, что и платье. Чтобы придать себе привлекательности, я открыла мамину сумку, скользнула пальцами в тот же кармашек, в котором хранила летные очки, и вынула цепочку. Мой отец сделал ее для меня из медных запасных деталей друга-часовщика.

Даже блеск металла померк на фоне унылого шерстяного платья.

– Стивена ты там все равно не увидишь, – напомнила я собственному отражению в зеркале. – Кому какое дело, как ты выглядишь?

Я собрала свои длинные волосы белой лентой на затылке, а марлевую маску сунула за пояс платья, чтобы надеть ее позже. Аромат лукового омлета тети Эвы дразнил мое обоняние.

– Ты готова завтракать, Мэри Шелли? – окликнула меня снизу тетя.

– Кто там? – проскрипел Оберон.

– Иду! – отозвалась я.

Прежде чем начать новый день, я посмотрела на еще одно скрытое в глубинах маминой черной сумки сокровище – сделанную Стивеном фотографию бабочки – «Тело».

Чтобы попасть на Коронадо, мы сели на тот же паром, что и в апреле, – «Рамону» – и облокотились на отполированные перила на носу судна, где прохладный ветер бухты Сан-Диего трепал наши волосы. Во время апрельской переправы бриз доносил до нас резкий запах смолы из доков для паромов, но в этот раз я ощущала лишь собственное луковое дыхание внутри маски, а также едкий ментоловый запах камфорных мешочков у нас на шее. Две черные трубы парохода со свистом выпускали пар в безоблачное небо. Лопасти боковых гребных колес взбивали воду в белую соленую пену, брызгами оседавшую мне на руки.

– До нашей последней поездки я всегда представляла себе, что Эмберсы живут на острове швейцарской семьи Робинзонов[5 - «Swiss Family Robinson» – приключенческий роман для детей, написанный швейцарским пастором, прозаиком Йоханном Давидом Виссом в 1812 году.], – призналась я тете Эве, глядя на густо населенную полоску земли, от которой нас отделяло менее полумили. С военно-морской авиабазы на Северном Коронадо с жужжанием взвился в безоблачное небо биплан. – Стивен всегда писал о том, что живет на острове, поэтому я представляла себе, как он раскачивается на лианах и ест суп из скорлупы кокосовых орехов. Но ведь это даже не остров, верно? Это полуостров.

– Никто его так не называет, – ответила тетя Эва.

– Стивен сказал, что есть узкая дорога, которая соединяет остров с материком, для тех, кому не лень объезжать бухту.

– Возможно, но это ужасная идея.

Тетя ковыряла поручень вычищенным ногтем.

– Что ужасная идея? Позировать для очередной спиритуалистической фотографии?

– Нет, то, что я снова туда с тобой еду. Позволяю тебе забрать этот пакет.

– Что, по-твоему, может произойти, если я его получу? Стивен волшебным образом появится из ниоткуда и изнасилует меня прямо в студии своего брата?

– Тсс! Следи за своей речью, Мэри Шелли. Боже правый!

Тетя Эва покосилась на детей в двух с половиной метрах от нас – двух маленьких девочек с большими голубыми глазами на полускрытых под защитными масками лицах. Положив пухлые ручонки на поручень, они окликали парящих над водой чаек.

– Идите сюда! Идите сюда, глупые птички!

Тетя понизила голос так, что я едва ее слышала.

– Раньше ты была такой же чистой и невинной, как эти малышки.

– Давай не будем возвращаться к этому разговору.

– В твоем возрасте тебе даже не следовало бы знать, чем занимаются мужчины и женщины за закрытыми дверями. – Она страдальчески вздохнула и покачала головой. – Тебе всего шестнадцать. Я вообще ничего такого не знала до брачной ночи.

– Значит, тебе следовало читать «Анатомию» Грея.

– Вот, пожалуйста. – Она подняла руку с таким видом, как будто ей только что удалось раскрыть самую невероятную тайну Вселенной. – Ты читаешь слишком много книг, которые способствуют утрате невинности.

– Я утратила невинность шестого апреля тысяча девятьсот семнадцатого года. И это не имело никакого отношения к «Анатомии» Грея.

– Что?

– Это был день, когда наша страна объявила войну Германии, – напомнила я ей. – День, когда шпионаж за соседями превратился в патриотизм, а мальчики – в мишени для стрельбы. Этого достаточно, чтобы лишить девочку невинности.

– Тсс. – Она нахмурилась. – Мэри Шелли Блэк! Не смей публично делать такие заявления о войне.

– А ты не делай публичных заявлений об утрате мною невинности.

Носком ботинка я пнула поручни, ощутив, как вибрация передалась в пальцы, которыми я их сжимала.

Через десять минут мы прибыли на остров, который не был островом, и сошли на пристань.

Двухэтажный электрический трамвайчик, который выглядел как два взгроможденных друг на друга железнодорожных вагона, повез нас по главной улице Коронадо – Ориндж-авеню. Мы с грохотом катились по рельсам мимо гипсовых бунгало и традиционных обшитых досками домов, которые тем не менее были гораздо выше и больше среднестатистических американских домов. «Бьюики» и «кадиллаки» катились по улицам, изрыгая клубы дыма, – вот она, городская жизнь и достаток. Нигде на острове не было ни следа бедности, однако и здесь белые и черные траурные повязки отмечали убийственную поступь испанского гриппа.

Во время нашей поездки рядом с нами долго ехал моторизованный катафалк, и за открытыми алыми шторками был отлично виден его груз – сверкающий гроб из красного дерева с каллами на крышке. Я скрежетала зубами и стискивала кулаки, борясь с ощущением, что это едет, поддразнивая нас, сама Смерть. Будто отморозок, держащий в страхе весь школьный двор, она угрожала нам гриппом-убийцей, в то время как мы уже были напуганы войной, демонстративно пользуясь тем фактом, что мы совершенно бессильны перед болезнью.

«Просто уходи, – думала я. – Оставь нас в покое».

Я перевела взгляд на проплывающие мимо пальмы и магнолии и, как и все остальные пассажиры трамвая, попыталась сделать вид, что не вижу катафалка, что его там просто нет.

Доехав до магазинов и аптеки, мы с тетей Эвой прошли два квартала в юго-западном направлении и оказались перед уже знакомым рядом домов вдоль пляжа. От белого песка их отделял Океанский бульвар и защитная береговая стена из больших валунов. Волны с ревом обрушивались на берег, им эхом вторили чайки, прочесывавшие песок у кромки воды в поисках пищи.

– Ты увидишь заметные изменения перед домом Эмберсов, – произнесла тетя Эва, когда мы подходили к месту назначения.

– Что?

– Смотри.

Мы увидели кирпичную трубу и коричневую кровлю дома Эмберсов, а также извилистую очередь из одетых в черное мужчин, женщин и детей, протянувшуюся от боковой двери дома до живой изгороди со стороны улицы. Как и в поезде из Орегона, я видела лишь их полные отчаяния глаза и уродливые белые лоскуты марли, закрывающие носы и рты.

Я шумно вздохнула:

– Что все эти люди здесь делают?

– Я тебе уже говорила, что Джулиус теперь специализируется на фотографиях павших солдат. Люди съезжаются со всей страны, чтобы воспользоваться его услугами, а грипп утроил спрос.

Тетя Эва ускорила шаги, ведя меня через лужайку Эмберсов мимо ожидающих своей очереди клиентов.

– Тут очередь, леди, – рявкнула невысокая женщина с косящими глазами.

– Благодарю за напоминание, но я знакомая семьи.

Тетя Эва поправила широкополую шляпу, которую она носила, чтобы скрыть мальчишескую стрижку, и горделиво прошла мимо толпы.

Я нервно сглотнула под гневными взглядами, устремленными на нас поверх масок, и ссутулилась от неловкости.

Мы прошли к боковой двери, которая вела в студию. В апреле нас приветствовала простая деревянная вывеска со словами ФОТОСТУДИЯ ЭМБЕРСА, теперь на ее месте висела большая желтая овальная табличка из полированной

меди с большими буквами:

МИСТЕР ДЖУЛИУС ЭМБЕРС

ФОТОГРАФ-СПИРИТУАЛИСТ

– Прошу прощения. – Приподняв подол платья, тетя Эва поднялась по цементным ступеням мимо стоявшей на них небольшой группы людей. – Я знакомая семьи.

Ее столкнула с крыльца обратно на землю какая-то тучная женщина.

– Тогда для вас главный вход.

– Мистер Эмберс сказал мне входить сюда.

– Тогда не такая уж вы близкая знакомая.

Дверь отворилась, и из нее выглянуло скрытое маской лицо девушки плотного сложения не старше восемнадцати лет, с копной взлохмаченных русых волос на голове, наспех заколотых на затылке. Белая блузка топорщилась, выбиваясь из-под пояса ее мятой серой юбки, и в целом она очень походила на полурастаявший рожок мороженого.

– Пожалуйста, посторонитесь, – попросила она измученным голосом. – Позвольте выйти другим клиентам.

Из студии гуськом вышла семья из четырех человек – двое явно недоедающих родителей, маленький мальчик и девочка. На их шеях висели венки из головок чеснока, как если бы они собирались отпугивать не бациллы гриппа, а вампиров. За их спинами ревели «Звезды и полосы навсегда» Джона Филипа Сузы[6 - Национальный марш США.].

– Добрый день, Грейси. – Работая локтями, тетя Эва снова поднялась на крыльцо, чтобы добраться до девушки в дверях. – Скажи мистеру Эмберсу, что я привела к нему Мэри Шелли Блэк.

Едва тетя произнесла мое имя, как толпа притихла. Все лица в масках обратились в мою сторону.

– Мэри Шелли Блэк? – Грейси уставилась на меня огромными, как мячики для гольфа, глазами. – О боже, это ты. Входите.

Она впилась в мою руку холодными пальцами, втащила нас с тетей Эвой внутрь и с грохотом захлопнула дверь перед носом толпы.

Не успели мы войти, как меня обдало холодом. Дрожа, я осматривала длинную прямоугольную комнату, по мере того как мои глаза привыкали к полумраку. Скудное естественное освещение проникало через три круглых, как иллюминаторы, окна, расположенные на западной стене. Везде горели свечи.

– Я так счастлива наконец-то с тобой познакомиться, – громко произнесла Грейси, пытаясь перекричать патриотическую музыку, несущуюся из черного рупора фонографа. – Я кузина Джулиуса. Мы с братом начали ему здесь помогать после того, как в прошлом месяце грипп унес нашу маму.

– О… Соболезную вашей утрате.

Я сжала ее руку.

– Я тоже рада знакомству. Стивен упоминал вас в своих… – Я застыла, потому что на стене справа от меня, сразу возле двери, висел огромный плакат от пола до потолка – художественная копия моей фотографии с опустившимся на колени привидением в белом балахоне. Мое изображение смотрело на меня сверху вниз, будто бросая вызов.

– Привет, Мэри Шелли. – Из полумрака студии показался Джулиус Эмберс, облаченный в черный костюм и изумрудно-зеленый жилет. В его улыбке сквозила нерешительность. Его рот и нос не были скрыты маской, как если бы он не боялся того, что его может скосить Смерть. – Рад снова видеть тебя.

– Что значит снова? – Я отняла свою руку у Грейси. – Похоже, ты видишь меня каждый день и каждую секунду вот на этой стене.

– Верно. – Он, как обычно, расплылся в самоуверенной ухмылке.

Я выпрямилась во весь рост, чтобы в его присутствии чувствовать себя выше.

– Ты использовал меня в своей рекламе назло брату?

– Вовсе нет. Я использовал твое изображение из-за впечатляющего духа, которого ты привлекла на фото. Моим клиентам нравится твой царственный вид, горделивое выражение лица и опустившийся возле тебя на колени призрачный гость. Ты служишь им всем утешением. – Он остановился прямо передо мной. – Я хочу заснять тебя еще раз, увидеть, что еще ты можешь мне преподнести.

Я рассматривала его лицо, подметив сходство со Стивеном, которого не замечала прежде. Он был на четыре года старше и как минимум на тридцать сантиметров выше своего брата, но его глаза были тех же формы и оттенка – глубокого, насыщенного цвета темного жидкого шоколада. Обескураженная таким сходством, я отвела взгляд. У меня в мозгу горели слова – ими он описал ситуацию, в которой застал нас со Стивеном в последний раз, когда я была в этом доме.

Я обнаружил их на диване. Он задрал ее юбки до пояса и набросился на нее, как дикий зверь.

– Я очень рада снова видеть тебя, Джулиус, – произнесла тетя Эва, нежно пожимая его предплечье. – Похоже, ты держишься хорошо, с учетом всей работы, которую тебе приходится делать.

– Я бы выглядел еще лучше, если бы не трудное утро с Алоизиусом Дарнингом.

– О нет.

– О да. – Джулиус вздохнул и высвободил руку из цепких пальцев тети Эвы. – Этот профан исполнен такой решимости доказать, что я мошенник, что околачивался здесь с восьми до половины десятого, во все суя свой нос,

разглядывая мое оборудование и заставляя моих клиентов нервничать.

– Я уверена, что он не нашел ничего компрометирующего, – произнесла тетя.

– Конечно, нет. Потому что не было ничего компрометирующего.

Я снова подняла глаза на Джулиуса.

– Тетя Эва сказала, что ты наконец-то отдашь мне пакет, оставленный для меня Стивеном.

– Да. – Он взял мою руку и сжал своими горячими ладонями. – Мама рассказала мне о нем, только когда мы узнали, что ты приезжаешь в Сан-Диего. Если хочешь, я также буду счастлив одолжить тебе часть его романов.

– Мэри Шелли, правда, это мило с его стороны? – Тетя Эва отняла у него мою руку. – Я сказала ему, что тебе будет очень скучно без занятий в школе. Ведь читать тебе будет тоже нечего, не считая старого скучного словаря.

– Спасибо, – сказала я Джулиусу. – Я с радостью возьму их почитать.

Музыка смолкла. Игла фонографа добралась до центра записи и теперь издавала трескучее статическое шипение. Джулиус резко обернулся на этот звук.

– Грейси, вместо того чтобы пялиться на Мэри Шелли, займись, пожалуйста, музыкой.

– Прости, Джулиус. – Грейси метнулась к фонографу. – Просто я так взволнована знакомством с ней. Стивен всегда рассказывал о ее письмах, и я так часто вижу ее лицо на этой стене. Это почти как знакомство с кем-то из звезд Голливуда…

С этажа над нами донесся странный стук.

Лоб Грейси побелел, став одного цвета с ее маской. Она бросила на потолок взгляд, исполненный такого ужаса, что я была готова поверить в то, что наверху происходит что-то зловещее. Пульс у меня участился. Я поймала себя на том, что

тоже смотрю на потолок, держа в поле зрения укутанный в белое призрак на портрете у двери.

– Грейси, фонограф! – снова скомандовал Джулиус.

Грейси суетливо сменила «Звезды и полосы навсегда» на новую запись. Она запустила фонограф, и на полную громкость заиграл «Боевой гимн республики».

– Почему ты глушишь всех патриотической музыкой? – почти крича, спросила я у Джулиуса.

– Это нравится духам павших героев. Они чувствуют, что умерли не напрасно.

Взяв за плечи, он повел меня прочь от тети Эвы, к своей растущей коллекции спиритуалистических снимков. На самой длинной из внутренних стен висело, наверное, около сотни фотообразцов. Они теснились, борясь за место на ореховых панелях. По большей части безликие духи были одеты в военную форму и стояли позади живых клиентов. Некоторые привидения опустили руки на плечи своих близких.

Я ощутила у себя на затылке чье-то дыхание и, вздрогнув, обернулась. Тетя Эва следовала за нами, как тень.

– Эва, прошу тебя, присядь вон на тот стул.

Джулиус кивнул на стул в углу у двери, видимо, специально предназначенный для назойливых родственников.

– Хочешь, я помогу тебе с волосами, Мэри Шелли, или…

– Пожалуйста, сядь. – Джулиус кивнул еще раз. – Духи не любят толп.

Тетя Эва с оскорбленным видом удалилась, а Джулиус снова стиснул мои пальцы и повел меня в дальний конец комнаты.

– Давай снимем твою маску и усадим тебя.

– Я не собираюсь снимать маску, – ответила я.

– Я хочу, чтобы на фотографии было видно все твое лицо.

– Ты чокнулся? – Я уперлась ногами в пол и отпихнула его от себя. – Я видела, сколько людей заходит в эту душную темную комнату. Я не собираюсь рисковать жизнью ради фотографии.

– Хорошо, хорошо. – Он снова взял меня за руку и усмехнулся, как будто мой страх его забавлял. – Боже правый, я совсем забыл, что ты упряма, как старый мул.

– Прежде чем я позволю себя сфотографировать, знай, что у меня есть два условия.

Он вскинул брови и снова засмеялся:

– И какие же это условия?

Я вырвала пальцы из его хватки.

– Прежде всего ты должен сказать тете Эве, что ты солгал о том, что мы делали со Стивеном, когда я была здесь в прошлый раз.

– Мэри Шелли, хозяин дома бесплатно тебя фотографирует, – произнесла из своего угла моя тетя. – Прошу тебя, сядь на стул и не позорься.

– Никуда я не сяду, пока он не скажет правду.

Я в упор смотрела на Джулиуса, пока он не отвел взгляд. Замершая у фонографа Грейси почесывала руку и смотрела на носки своих туфель.

– Возможно, я слегка преувеличил. – Джулиус снова смотрел на меня. – Прости.

– Мы не были на диване, верно? – спросила я.

– Нет, но вы были… – Он закусил губу. – Брат сказал мне нечто личное и очень болезненное, и – поскольку братья, случается, ссорятся, – возможно, я прибавил кое-какие подробности к тому, что увидел.

Он изучал мое лицо, ожидая реакции на свои слова.

Я обернулась к тете:

– Тетя Эва, ты слышала?

– Это слышал весь остров Коронадо. Прошу тебя, Мэри Шелли, хватит об этом. Садись уже на стул.

Она потерла свою покрасневшую шею с таким видом, как будто ей хотелось провалиться сквозь землю.

Я снова переключила внимание на Джулиуса.

– Прежде чем мы приступим, я также хотела бы получить посылку Стивена.

– Разумеется. Грейси, достань, пожалуйста, пакет, который Стивен приготовил для нашей гостьи. Он в верхнем ящике стола.

Его кузина подбежала к маленькому письменному столу, на крышке которого горели три свечи, и их пламя заколыхалось при ее приближении. От этого мерцания лица на ближайших к столу фотографиях будто зашевелились.

Выдвижной ящик заскрипел, и Грейси показала Джулиусу прямоугольный предмет, обернутый коричневой бумагой.

– Этот?

– Да, – кивнул Джулиус. – Ты подтверждаешь, что он подписан почерком Стивена?

– О да, это он писал. – Грейси просияла, глядя на надпись. – Его почерк всегда был намного лучше моего.

От этого был у меня даже кровь в жилах застыла.

– Хорошо, – кивнула я Джулиусу. – Таковы были мои условия. И если ты отдаешь себе отчет, что я делаю это исключительно ради тети, а не потому, что верю в твои привидения, я согласна, чтобы ты меня сфотографировал. Но только один раз и побыстрее.

Он жестом указал на стул с высокой спинкой и мягким сиденьем сливового цвета, расположенный на фоне черной портьеры.

– Пожалуйста, присядь.

Я подошла к стулу и с легким содроганием уселась на него. В комнате было холодно, как где-нибудь на севере в подвале в разгар зимы, и точно так же пахло плесенью. Мне вспомнились слова Стивена, произнесенные им во время моего прошлого визита: А еще он между клиентами включает вентилятор над глыбами льда, чтобы охладить воздух. Он пытается создать у всех впечатление, что вокруг студии витают призраки.

Джулиус опустился на колени, чтобы расположить меня так, как считал нужным, и повернул мои колени влево. От этого прикосновения мне стало щекотно, но я стиснула зубы, чтобы не отшатнуться и не засмеяться. Мой скрытый марлей подбородок он повернул вправо.

– Насколько сильно ты его избил в тот день? – тихо, чтобы не услышала тетя Эва, спросила я.

– О чем ты говоришь?

– Ты знаешь, о чем. Тетя увела меня прочь так быстро, что я так и не спросила, что означали те глухие удары. Ты его что, бил головой о стену?

– Если братья огорчают друг друга, они дерутся. Такова природа наших отношений, – не выпуская моего подбородка, ответил он.

– Все в порядке? – спросила тетя Эва.

В ее голосе звучало беспокойство.

– Все нормально.

Джулиус встал.

Я сглотнула.

– Стивен писал? Тебе известно, он…

Над домом проревел самолет, заглушив и музыку, и мой вопрос. От рева двигателя фотографии на стенах задрожали и даже все внутри у меня завибрировало.

С верхнего этажа снова донеслись глухие удары и топот.

– Что там происходит? – спросила я.

Джулиус с трудом отвел взгляд от потолочных балок.

– В моей студии у всех разыгрывается воображение, и люди принимают обычные бытовые звуки за расшалившихся призраков. – Он решительно подошел к изумительно красивой черной камере своего отчима и, пригнувшись, нырнул под черную накидку позади нее. – Скорее всего, это моя мама делает уборку. В последнее время она просто одержима чистотой. Это отвлекает ее от переживаний о Стивене.

Я снова перевела взгляд на потолок, а он навел на меня объектив камеры и закончил приготовления к съемке. Мне было бы гораздо спокойнее, если бы я могла увидеть миссис Эмберс.

– Хорошо. – Его голова снова вынырнула из-под черной накидки. – Приступим. Теперь не шевелись и смотри сюда.

Джулиус склонился к вытянутым кожаным мехам фотокамеры и что-то прошептал. Он исполнил этот ритуал и в прошлый раз, когда я ему позировала. Из тех немногих слов, что мне удалось расслышать, я сделала вывод, что это нечто вроде обращения к потустороннему миру. Затем он выпрямился и выкрикнул:

– Духи, мы вызываем вас. Я привел к вам Мэри Шелли, названную в честь автора мрачного повествования, которая верила в таинственную силу электрических токов…

Этажом выше что-то упало. Джулиус вздрогнул и повысил голос:

– Своим ангельским обликом она привлекла в мою студию сотни скорбящих. Пошлите нам еще один дух, чтобы он встал рядом с ней. Пусть придет человек, которого она любит и хочет видеть. – Он поднял поднос с порошком для вспышки. – Мэри Шелли Блэк, призови усопших!

Он открыл крышечку круглой линзы, которая уставилась на меня подобно глазу циклопа.

Вспышка взорвалась ослепительным пламенем и дымом. Миниатюрная версия моего тела запечатлелась на химически обработанной пластинке где-то в задней части аппарата.

– Ну вот, – произнес Джулиус, закашлявшись в густом белом облаке, окутавшем его голову. – Готово.

Он снова закрыл объектив колпачком и вставил в заднюю часть камеры темную защитную заслонку.

Мои глаза так слезились от едкого воздуха, что мне пришлось вытереть их рукавом. Этот взрыв напомнил мне Рождество, когда отец Стивена сжег себе брови особенно мощной вспышкой.

– Джулиус, мне сейчас отдать ей пакет? – спросила Грейси.

– Да.

От очередного удара сверху с потолочных балок на нас дождем посыпалась пыль. По дому разнеслись звуки шагов, гораздо более громкие, чем музыка из фонографа. Моргнув в дыму, я увидела, что Джулиус побледнел, так же как и его кузина.

Укромная дверь, ведущая в вестибюль, с грохотом распахнулась. В студию, спотыкаясь, ввалилась миссис Эмберс. Она обеими руками держалась за живот, пряди темных волос упали ей на глаза.

– Джулиус, мне нужна твоя помощь, – произнесла она.

– Господи. – Джулиус опустил вспышку. – Грейси, выведи их отсюда.

Бросившись к матери, он схватил ее под руку, намереваясь вывести из студии.

– Вам нужно сейчас же уйти.

Грейси подала мне пакет Стивена и подтолкнула в спину, вынуждая двигаться быстрее.

Я оглянулась через плечо.

– Что случилось с миссис Эмберс?

– Пожалуйста, уходите.

– Когда нам прийти за фотографией? – спросила тетя Эва.

– Не знаю. Может быть, в понедельник утром.

Грейси открыла дверь и снова подтолкнула меня.

– Мы прерываем прием по семейным обстоятельствам, – крикнула она столпившимся у крыльца людям. – Духи дали нам понять, что они нуждаются в отдыхе. Приходите в другой день.

Она выволокла из студии замешкавшуюся тетю Эву и захлопнула дверь перед всеми нами.

Одетые в черное люди обеспокоенно зашумели.

– Эй, ты, потаскушка, что вы там сделали? – спросила та же крупная женщина, которая ранее столкнула тетю Эву со ступенек. – Почему вы все испортили для остальных?

– Это Мэри Шелли Блэк, – произнесла молоденькая брюнетка у нее за спиной. – С ней нельзя разговаривать таким тоном.

– Да будь она хоть Мэри, королева Шотландии. Я прождала четыре часа, чтобы получить фотографию с моим бедным Гарольдом, а она взяла и все испортила.

– Я ничего не портила…

Тетя Эва схватила меня за руку:

– Бежим!

– Чтобы убедить их в том, что мы действительно в чем-то виноваты?

– Беги!

К нам уже приближались двое крупных мужчин из конца очереди, и выражения их лиц не сулили нам ничего хорошего, поэтому я ее послушалась. Воспользовавшись тем, что мои ноги были обуты в скаутские ботинки на двойной подошве из дубленой кожи, я промчалась по лужайке, а затем побежала по тротуарам прибрежного квартала, пока Океанский бульвар не остался далеко позади.

Мы остановились, только запрыгнув на подножку трамвая, но я еще долго не могла успокоиться. Сидя на деревянной скамье рядом с тетей, я прижимала к груди подарок Стивена.

– Что все это значит? – спросила я, пытаясь перевести дух. – Что случилось там, наверху, с миссис Эмберс?

Тетя Эва хватала воздух ртом и прижимала руку к боку, пытаясь унять в нем боль.

– Не знаю. Но я уверена, что постоянные встречи со скорбящими родителями и супругами… и беспокойство об ушедшем на войну ребенке… кого угодно доведут до нервного срыва.

– Бедняжка кузина Грейси была встревожена, как перепуганная мышь.

– Бедняжка кузина Грейси переболела гриппом и выжила. От лихорадки у нее поседели и выпали волосы. Поэтому она и ходит в парике.

– Это был парик?

Тетя кивнула.

Я судорожно сглотнула.

– Я была готова поверить, что со всей этой спиритуалистической активностью семья считает, что в их доме обитают привидения.

Тетя Эва ерзала на сиденье, но не призналась в том, что дом Эмберсов вывел ее из равновесия. Мне уж точно было не по себе. Я начинала понимать, почему Стивену так не терпелось уехать из дома.

Я опустила пакет на колени и провела пальцами по собственному имени, выведенному почерком, который я обожала и который отражал художественную натуру его обладателя. Ш в Шелли и Б в Блэк казались почти чувственными. Мое странное зловещее имя в его исполнении всегда превращалось в нечто лирическое и красивое.

Я заметила, что шнурок, скрепляющий пакет, с одной стороны ослаб, как если бы кто-то уже отодвигал его в сторону, чтобы изучить содержимое. Бумага также была слегка надорвана.

– Мне кажется, пакет кто-то уже вскрывал. Как ты думаешь, это был Джулиус?..

– Мэри Шелли…

Мое имя сорвалось с губ тети тихим стоном.

Я отвернула надорванный край упаковки и вытащила фотографию в рамке. На мгновение я даже перестала дышать. Тепло разлилось по моему лицу и груди, распространившись до кончиков пальцев рук и ног. Завязки моей маски натянулись над широкой улыбкой.

В качестве своего последнего подарка перед тем, как уйти на войну, Стивен, зная о моей любви к электричеству, подарил мне фотографию молнии, зигзагом вонзающейся в сумрачное ночное море.

Глава 5. Призрачная фигура

Я не планировала вешать какие-либо украшения на стены своей спальни в доме тети Эвы. Это означало бы признать, что Сан-Диего предстоит надолго стать моим домом.

Впрочем, в воскресенье, на следующий день после визита к Эмберсам, мне не оставалось ничего, кроме как повесить молнию Стивена на золотистые обои неподалеку от изножья моей кровати. Я заручилась разрешением тети Эвы вбить в стену два гвоздя и повесила обе фотографии Стивена – бабочку и молнию – рядом. Никакой записки в пакете не оказалось, и я была уверена, что ее забрал Джулиус. Но снимок наконец-то попал ко мне в руки.

Я обнаружила, что Стивен зачеркнул несколько слов в правом нижнем углу. Возможно, это было отвергнутое им название. Между золотисто-белыми барашками, бороздящими поверхность океана, он написал одну из своих анаграмм:

РОМПОТИС

Я щурилась и составляла из этих букв другие слова. Ром. Тис. Сим. Но ни одна из полученных в результате моих усилий фраз не была похожа на название снимка мощной грозы над Тихим океаном.

Тетя Эва постучала в открытую дверь и впорхнула в комнату.

– Пожалуй, я схожу к Джулиусу за твоей фотографией завтра рано утром перед работой. Я могу сесть на первый паром. Только придется надеть юбку поверх рабочих брюк.

Я отошла от снимков на стене.

– Студия будет открыта так рано?

– Полагаю, что да. Джулиус много работает.

– Я поеду с тобой.

– Это не очень хорошая идея. Тебе не следует контактировать с публикой больше, чем это необходимо.

– Вчера у меня не было никакой необходимости ехать к нему домой, но ты мне позволила это сделать. В основном мы будем дышать чистым морским воздухом.

– Я об этом подумаю. – Она заметила фотографии. – Ты уверена, что хочешь, чтобы они висели у тебя на стене?

– А почему нет? Они красивые.

– О, Мэри Шелли… – Она поцокала языком и взяла меня за руку. – Иди сюда. Присядь со мной на минутку, чтобы мы могли поговорить о чем-то очень важном.

Она усадила меня на кровать и сама присела рядом на старое сине-белое стеганое одеяло бабушки Эрнестины, служившее покрывалом.

– Я знаю, что в твоей жизни никогда не было матери, которая рассказывала бы тебе о делах сердечных…

– Только не надо вспоминать то утро, когда я поцеловала Стивена.

– Я не об этом. Я только хотела сказать, что знаю: ты считаешь себя по уши влюбленной в этого паренька. Но не забывай, что ты еще очень юная. И… не исключено, что он уже никогда не вернется домой.

– Я это уже знаю. – Я отняла руку. – Зачем тебе понадобилось мне об этом напоминать?

– Потому что всякий раз, когда в разговоре всплывает его имя, твои глаза вспыхивают так, как будто он вот-вот войдет в комнату. А теперь ты вешаешь на стену сделанные им фотографии и продолжаешь окружать себя им. Он хотя бы просил тебя его ждать?

– Он сказал, что, если не хочу, я могу его не ждать. Он не хочет, чтобы я попусту теряла время, переживая о нем.

– Вот как. – В ее голосе прозвучало удивление. – Ну… это очень мило с его стороны.

– Он добрый человек.

Она снова взяла меня за руку и сжала мои пальцы своими мозолистыми ладонями.

– Если он предлагал тебе свободу, отпусти его. Не растрачивай свою юность, сомневаясь в том, вернется ли к тебе мальчик из твоего прошлого.

К горлу подступили слезы.

– Мне кажется, ты не совсем понимаешь, как много мы со Стивеном значим друг для друга.

– Мэри…

– Я тебе когда-нибудь рассказывала, как мы подружились?

Ее карие глаза смягчились за стеклами очков.

– Кажется, нет.

– Мне было восемь, а ему еще не исполнилось десяти. Я его уже видела в школе, но он всегда был просто милым спокойным мальчиком с интересной фамилией, а я в основном играла с девочками. Но в тот день он принес в школу свой маленький карманный фотоаппарат Брауни.

Руками я показала приблизительную ширину фотоаппарата – около двадцати сантиметров.

– Это был совсем небольшой фотоаппарат, обтянутый красной искусственной кожей, с красивыми мехами темно-красного цвета. Я шла домой со своей подружкой Нелл и еще двумя девочками и издалека увидела, как он фотографирует рыжего кота, лежавшего на крыльце старой церкви. А потом… – это воспоминание заставило меня вздрогнуть и напрячься, – к нему подошли мальчишки постарше и начали дразнить его неженкой, который прячется за спину старшего брата, Джулиуса. Они выхватили у него камеру и бросили ее на тротуар. Я услышала ужасный треск, и по асфальту разлетелись куски корпуса. А потом эти мальчишки толкнули его в плечо и ушли.

Тетя Эва поморщилась.

– Я уверена, что их отец пришел в ярость из-за того, что фотоаппарат разбили.

– Именно это и крикнул им вслед Стивен. Он сказал: «Отец пришлет ко всем вам копов», – а затем прибавил несколько замысловатых проклятий, которых я никогда не слышала из уст хороших мальчиков. Я сказала подружкам, чтобы они шли домой, и начала помогать ему собирать разлетевшиеся осколки. Некоторые

винтики раскрутились, и часть деревянного корпуса под искусственной кожей разошлась. Стивен сказал, что я не смогу ему помочь, потому что я девочка, но я села прямо на ступеньки той церкви и все снова собрала и скрутила с помощью маленького набора для ремонта очков, который мне подарил папа. Еще я вытащила из волос ленту и обернула треснувший корпус, чтобы он смог донести его до дома и склеить без дополнительных повреждений.

– Ах да, – кивнула тетя Эва. – Это, случайно, не тогда дядя Ларс решил купить тебе набор инструментов побольше?

– Кажется, да.

Улыбка озарила ее лицо.

– Я совсем об этом забыла.

– Представь себе, – продолжала я, – я собирала камеру Стивена, как головоломку, прилаживая на место никелевую оправу объектива, болтая о книге, которая торчала из его сумки – «Белый Клык» Джека Лондона. И все это время Стивен таращился на меня, как на какое-то чудо. Но не так, как на меня иногда смотрят другие люди – как на циркового клоуна. Нет, он смотрел с уважением и признанием, как если бы он был за границей и встретил кого-то, кто говорил бы на его языке, хотя никто вокруг этого языка не знал. Вот такие у нас с тех пор отношения. Мы понимаем друг друга даже тогда, когда ставим один другого в тупик.

Ее глаза увлажнились.

– Я просто не хочу, чтобы ты страдала. Надеюсь, что ты сможешь его забыть и найти в своей жизни другие вещи, которые сделают тебя счастливой.

– Просто позволь мне пока что сохранить в сердце надежду на его возвращение, ладно? Пусть его фотографии висят на этой стене, напоминая мне о том, что в этом жутком году однажды случилось и что-то прекрасное.

Шмыгнув носом, она обняла меня за плечи одной рукой и прижала к себе.

– Хорошо. Но будь настороже. Я знаю, как это, когда любовь превращается в агонию. В мире нет ничего мучительнее этого.

Когда мы на рассвете подошли к двери студии и постучали, никто не ответил. Мы стояли возле дома Эмберсов в тумане, настолько плотном, что даже не видели Тихого океана на другой стороне улицы.

Я плотнее запахнула пальто.

– Может, постучим в парадную дверь?

– Не знаю. – Тетя Эва сошла со ступенек, ведущих к боковой двери, и начала сквозь туман всматриваться в сторону главного входа. Чтобы скрыть рабочую униформу, она надела поверх брюк синюю плиссированную юбку, но штаны создали такой объем, что она выглядела как гигантский колокольчик – тощий торс, пышные бедра. – Не хочется беспокоить его маму. Мне тогда показалось, что она очень больна.

– Но тебе нельзя опаздывать на работу.

– Я не знаю, что делать.

Она взбежала по лестнице и постучала еще раз.

Вдалеке раздался шум двигателя приближающейся машины. И вдруг из тумана вынырнул автомобиль. Взвизгнув тормозами, он резко повернул и остановился на боковой улочке за домом.

С пассажирского сиденья выскочил мужчина со взлохмаченными черными волосами.

Тетя Эва потерла горло и шепотом спросила:

– Это Джулиус?

Я прищурилась, всматриваясь в туман.

– Кажется, да.

– Джулиус, ты справишься? – спросил водитель, плотного сложения парень в очках, скорее мой ровесник, чем одногодок Джулиуса. – Может, лучше не закрывать студию на целый день? Я мог бы тебя подменить.

Не обращая внимания на водителя, Джулиус побрел к дому. Его рубашка выбилась из брюк, подбородок покрылся темной щетиной. Он был похож на дядю Уилфреда, умиравшего от туберкулеза: серое, потное, осунувшееся лицо. Взгляд его воспаленных глаз упал на нас.

– Что вы здесь делаете?

Он явно не был нам рад.

– Мы пришли за фотографией Мэри Шелли. Джулиус, тебе нездоровится?

Он бросился к двери, обдав нас запахом одеколона и чего-то сладковатого, хотя с виду ему явно не мешало бы принять ванну.

– Входите и быстро забирайте снимок. А потом, пожалуйста, уходите. Я плохо себя чувствую.

Тетя Эва отскочила в сторону.

– Я надеюсь, это не грипп?

– Нет, это не чертов грипп. – Он с трудом нашарил скважину, отпирая дверь, а затем потянулся к выключателю, зажигая электрические лампы на стенах. – Подождите здесь. Я принесу.

Он вошел.

У нас за спиной заурчал двигателем отъезжающий «форд» модели Т.

Я переступила порог студии, провожая взглядом Джулиуса, скрывшегося за дверью рядом с черной портьерой, которая служила фоном для клиентов. Я всегда считала, что это дверь в чулан, но она оказалась входом в кабинет, где висели сохнущие фотографии – как белье на веревке.

– Что с ним? – спросила я.

Тетя Эва все еще потирала горло.

– Понятия не имею. Я никогда его таким не видела.

– Это опиум?

– Мэри Шелли!

Джулиус вернулся в студию с коричневой папкой в руках.

– Вот, забирайте.

Он держал скрытую внутри папки фотографию кончиками пальцев.

Дрожа, я подошла и взяла у него папку.

Его красные глаза слезились.

– Теперь уходите. Пожалуйста.

– Я хотела бы сначала увидеть фотографию.

– Уходите.

Затаив дыхание, я раскрыла папку и увидела себя в черно-белом цвете. Я сидела на бархатном сиденье стула с камфорным мешочком и цепочкой из часового механизма на шее. Мои глаза над марлевой маской смотрели в объектив.

Позади меня стояла призрачная фигура – красивый русоволосый мальчик в нарядной рубашке и галстуке.

Стивен.

Призраком на моей фотографии был Стивен.

Тетя Эва взяла папку из моих рук.

– О нет, Джулиус. Это твой брат?

Эти слова болью отозвались у меня в сердце. Я поняла, что они подразумевают.

– Он у…

Губы тети Эвы отказывались выговорить это слово.

Джулиус откашлялся.

– Мы только что узнали, что он погиб во время сражения. В телеграмме говорилось, что в начале октября шли ожесточенные бои. Он пал смертью храбрых.

Мне стало душно. Я прижала ладони к животу, ощущая, как в барабанных перепонках звенит, будто перед обмороком. В глазах потемнело. Ноги подкосились.

Тетя Эва схватила меня за локоть, чтобы не дать упасть.

– Мэри Шелли, ты в порядке?

Джулиус отвернулся от меня.

– Уведи ее отсюда.

Меня привел в чувство донесшийся сверху крик. Мы все вскинули головы, глядя в потолок.

– Стивен! – кричала миссис Эмберс, как будто кто-то рвал ее сердце на части. – Стивен!

Джулиус схватил меня за руки выше локтей и развернул к себе.

– Я сказал, уведи ее отсюда. Обе убирайтесь прочь. Уносите ноги как можно дальше. Меньше всего на свете мы хотели бы сейчас видеть детскую любовь моего брата.

Я спотыкалась, не успевая переставлять ноги, пока он бесцеремонно тащил меня к двери. Мы с тетей Эвой снова вышли в туман, и дверь за нами захлопнулась. Даже рокот прибоя не заглушал несущегося из-за стен крика миссис Эмберс.

– Пойдем. – Тетя взяла меня за руку и помогла спуститься по лестнице. – Их нужно оставить наедине с горем. Это ужасно, ужасно, когда кто-то, кого ты любишь, погибает на другом конце света.

Тело меня не слушалось. Я не могла ни нормально идти, ни дышать. Боль с такой силой сводила мои легкие, что идти я могла только с помощью тети Эвы, поддерживавшей меня плечом.

– Я предупреждала тебя, чтобы ты по нему не тосковала. – Она обхватила меня за талию, чтобы я держалась на ногах. – Я знала, что он разобьет тебе сердце.

– Я хочу… – Я задохнулась и поперхнулась, как если бы я плакала, но мои глаза оставались сухи. – Я хочу, чтобы ты бросила эту фотографию в залив, когда мы окажемся на пароме. Стивен… если бы он ее увидел, он был бы в ярости.

– Не думаю, что в твоем нынешнем состоянии это хорошая идея. Я сохраню ее для тебя на тот случай, если ты передумаешь.

– Нет.

– В будущем она может тебе понадобиться.

– Нет.

– Шшш. Сосредоточься на ходьбе. Когда ты вернешься домой, тебе станет легче.

– Мой дом в Портленде. Я никогда туда не вернусь. Мне никогда не станет легче.

И хотя мы уже шли мимо соседнего дома, до нас продолжали доноситься крики миссис Эмберс, пока наконец шум прибоя не заглушил ее плач.

Глава 6. Электрический разряд

Мы расстались на пристани с нашей стороны бухты. Судя по сдвинутым бровям тети Эвы, она не хотела оставлять меня в одиночестве, но ей нужно было на работу. Я, не оглядываясь, побрела прочь. Фотография плавала в воде. Я вынула ее из папки и швырнула в холодную соленую воду.

Карантин заглушил шум города. Ветер поднял и понес над тротуаром одинокую газетную страницу. Пара чаек над головой перекликалась, уносясь в сторону океана в стремлении сбежать от цивилизации. Неудивительно. Группа мужчин и женщин вышла из желтого электрического трамвая возле универмага Марстона. Подобно мне они были одеты в темную одежду и маски и шли, склонив головы и вперив взгляды в асфальт в ожидании смерти.

Мы все были воплощением несчастья.

На половине магазинов висела табличка ЗАКРЫТО, а в тех, которые не закрылись, посетителей все равно не было. Я прошла мимо парикмахерской, в которой мастер, склонившись к зеркалу, подстригал собственные волосы – видимо, от скуки. В окне расположенного по соседству табачного магазина виднелся плакат с окровавленным отпечатком ладони немца. «СЛЕД ГАНСА, – гласил он. – БЕЙ ГАНСОВ ОБЛИГАЦИЯМИ СВОБОДЫ».

В голове крутилась одна мысль: «Ганс – убийца Стивена».

– Нет, он не умер, – шептала я. – Не умер. Он обязан прийти домой. Обязан прислать мне еще одно письмо.

Мужчина в котелке с рекламным щитом на плечах перешел дорогу по другую сторону перекрестка.

– Грех – корень зла в мире! – орал он, не обращаясь ни к кому конкретно. – Бог наказывает нас чумой, раздором, голодом и смертью.

Висевший на его шее щит гласил: «ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА УЖЕ ЗДЕСЬ! ТЕ, КТО СОГРЕШИЛ, БУДУТ СРАЖЕНЫ».

В ужасе наблюдая за ним, я вдруг поняла: «Мы все просто ждем, пока нас убьют. Все, что нам осталось, – это страдать от горя, пока мы не умрем, захлебнувшись собственными биологическими жидкостями. Зачем вообще жить?»

Мне было тяжело дышать. Я отвернулась к стене из песчаника и стянула маску, хватая ртом воздух. Я вдыхала ртом пахнущий тунцом ветер, и меня тошнило от этого запаха. Меня тошнило от всего. Почему не я погибла от микробов или бомб? Почему я стою в одиночестве посреди опустевшего города? Почему умный и талантливый мальчик пошел в армию? Как он мог поступить так глупо?

Пустой перекресток не мог дать мне ответов на эти вопросы, и я потащилась дальше, как во сне, с трудом передвигая будто налитые свинцом ноги. Мое неровное дыхание перешло в икоту, в боку была мучительная боль.

Подойдя к жилому кварталу, я увидела – в значительной степени благодаря обонянию – жуткую сцену во дворе дома гробовщика. Сосновые гробы были сложены друг на друга. Четверо маленьких мальчиков взбирались по ним, будто на деревянную крепость. Они распевали песенку, которую я слышала в начале учебного года, когда эпидемия гриппа была в самом начале.

Маленькая птичка

По кличке Грипп

Влетела в окошко,

И я охрип.

– Эй, вы, слезайте оттуда! – закричала я на детей. – Вы топчетесь по телам мертвых. Вы что, не видите мух? Вы заболеете.

Заводила этой компании, русоволосый мальчуган в штанишках до колена, закричал друзьям, пытаясь не свалиться с неустойчивой деревянной конструкции:

– Пацаны, это немцы. Стреляйте в них!

Остальные розовощекие мальчишки навалились на гробы и начали палить в меня из невидимых винтовок.

– Где ваши родители? – спросила я.

– Продолжайте стрелять, парни. Задайте этим грязным фрицам.

Они продолжали расстреливать меня из воображаемого оружия, не собираясь покидать свою отвратительную игровую площадку. Раскаты грома в темнеющем небе к западу вызвали у ребятишек громкие восторженные вопли.

– Это был залп из нашей пушки, Фриц, – заявил вожак. – Ты умрешь.

– Это вы умрете, глупые дети, если будете здесь играть. Убирайтесь отсюда. – Я вошла в наполненный смрадом двор, где меня окружили мухи, и схватила русоволосого мальчишку за руки. – Я сказала, убирайтесь отсюда.

– Отпусти.

– Нет.

Я вцепилась в сопротивляющегося мертвой хваткой и выволокла со двора гробовщика.

– Отпусти меня!

– Возвращайся домой к маме. – Я толкнула его вперед, как только мы оказались на тротуаре. – Не желаю больше ничего слушать о мертвых мальчиках.

– Ты чокнутая, вот ты кто!

Он возмущенно оглянулся на меня через плечо и побрел по тротуару. Его друзья присоединились к нему, прыская в кулак.

Не успела я дойти до конца квартала, как русоволосый мальчишка закричал издалека:

– Если хочешь знать, моя мама лежит в больнице. У нее грипп. Я не могу пойти домой к ней.

Я смахнула слезы тыльной стороной руки и ускорила шаг.

Пройдя три квартала к желтому дому тети Эвы, я увидела чей-то велосипед возле ее роз. Долговязый мальчишка лет двенадцати, не больше, в форменной кепке и черном галстуке ожидал на крыльце с конвертом и планшетом в руках. Увидев, что я свернула к дому, он быстро пошел мне навстречу. Я приготовилась услышать плохие новости.

– Здравствуйте, мисс. – Голос мальчика звучал приглушенно из-за маски, которая была завязана так туго, что наверняка причиняла ему боль. – Вы миссис Уилфред Оттингер или мисс Мэри Шелли Блэк?

– Я мисс Блэк.

– Пожалуйста, распишитесь здесь.

Слова на его планшете расплылись перед моими усталыми глазами. Я увидела только жирную надпись ВЕСТЕРН ЮНИОН в самом верху страницы. Кто-то прислал нам телеграмму.

– О нет. – Я оттолкнула планшет. – Еще одна смерть сегодня – это слишком. Не надо мне это отдавать. Не надо сообщать мне о смерти отца.

– Я не читаю телеграммы, мисс. – Он снова сунул мне планшет. – Пожалуйста, распишитесь. Я не могу уехать, не доставив телеграмму, если кто-то был дома.

Я покачнулась и схватила мальчика за руку, чтобы не упасть.

– Прошу вас, мисс. Все будет хорошо.

Он поддержал меня, и я трясущимися пальцами нацарапала что-то похожее на подпись. Взяв у него коричневый конверт, я разорвала его и прочла короткое сообщение от дяди Ларса из Портленда.

ОН ЗАДЕРЖАН БЕЗ ПРАВА

ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОД ЗАЛОГ.

СУД НАЗНАЧЕН НА ДЕКАБРЬ.

ЕМУ ГРОЗИТ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ.

ПУСТЬ М. Ш. ПОБУДЕТ У ТЕБЯ.

Л.

Двадцать лет.

Если суд присяжных решит судьбу моего отца таким образом, когда он освободится, ему будет шестьдесят пять лет. Мне будет тридцать шесть. И все потому, что папа ненавидит войну.

Телеграмма выпала из моих пальцев на дорожку. Я направилась к дому, оставив на листке бумаги грязный отпечаток своего ботинка, и хлопнула дверью с такой силой, что окна задребезжали. Оберон затрещал у себя в клетке. У мальчика из «Вестерн Юнион», наверное, сердце ушло в пятки. Прыгнув на велосипед, он умчался с такой скоростью, какую только могли развить его костлявые ноги.

Я взбежала по лестнице к себе в комнату и сорвала маску. Фотографии Стивена все еще висели на золотистых обоях, напоминая о времени, когда он был жив, а мой отец не гнил заживо в тюрьме. Стремительными шагами я мерила комнату, схватившись за волосы, и кожа на голове горела огнем.

– Заберите меня отсюда. Заберите меня отсюда!

Вдалеке раздался гром. Я бросила взгляд в окно и затаила дыхание. Десять секунд спустя на западе появилась грозовая туча, которую пронзила молния; за ней снова последовал раскат грома.

Гроза.

Подняв оконную створку, я почувствовала, как волоски у меня на руках встали дыбом. Молния зарядила воздух. Я хотела, чтобы ее разряд вывел меня из этого кошмара и вернул к прежней жизни.

Я нашла в комнате материал для воздушного змея – упаковочную бумагу от посылки Стивена для корпуса, проволочную вешалку для рамки и моток лент для волос вместо шнура. Цепочке из часового механизма предстояло стать проводником. Я вынула летные очки из кожаной докторской сумки, надела их и бросилась вниз по лестнице, сжимая в руках свое творение.

Раскаты грома теперь отделяли от молний лишь две секунды. Ветер взъерошил мои волосы, а свежие струи дождя забрызгали стекла очков и насквозь промочили ленты. Теперь от них не было толку. Глупо было ожидать, что ткань не промокнет и не станет слишком тяжелой. Упаковочной бумаге ни за что не взлететь. Мое имя, написанное на ней почерком Стивена, расплылось, превратившись в черные пятна, которые исчезли навсегда.

Молния пронзила небо зигзагом, более ярким, чем вспышка Джулиуса. Через мгновение от грома завибрировали даже подошвы моих ботинок. Буря разразилась прямо у меня над головой. Я всем своим существом жаждала, чтобы разряд электричества уничтожил этот отравленный мир. Я хотела к нему прикоснуться. Мне было необходимо к нему прикоснуться.

Я схватила цепочку и, сжав ее голыми пальцами, подняла вверх.

Новая вспышка озарила двор. Раскат грома расколол небо над моей головой, и кончики моих пальцев онемели от легкого разряда электричества.

Но мне было этого мало.

– Давай! – закричала я. – Дай мне то, что я смогу прочувствовать.

Чей-то визг на другой стороне улицы отвлек меня, заставив повернуть голову. Но в ту же секунду все вокруг поблекло, я почувствовала боль в ушах. Электричество обожгло мою ладонь, и я упала на землю.

Это убило меня.

Глава 7. Смерть

С точки зрения науки я умерла.

Сначала вопрос: «Я умерла?» Затем гипотеза: «Если я сижу на эвкалипте тети Эвы, глядя на свое собственное тело, распростертое на траве под проливным дождем, скорее всего, я мертва». Потом проверка: «Рыжеволосая женщина в фартуке перебегает улицу, видит мою дымящуюся одежду и мои безжизненные глаза, которые смотрят на нее сквозь летные очки, и сотрясает мое обмякшее тело, чтобы его оживить. Но тщетно».

– О боже, она умерла! – кричит она женщине, которая мчится к ней по лужайке. – Молния попала в эту бедную девочку и убила ее.

Вывод: «Мэри Шелли Блэк и в самом деле покинула этот мир».

«О боже, – подумала я. – Что я натворила?»

Я подняла голову: черная грозовая туча клубилась над эвкалиптом подобно разгневанному зверю. Где-то неподалеку раздался вой сирены. Вокруг меня собрались соседи в масках.

– Что я натворила? – крикнула я людям внизу, хотя никто этого, похоже, не услышал. Та я, которая сидела на дереве, с моей точки зрения выглядела вполне осязаемой и живой, но я боялась, что это лишь мираж. – Мне кажется, это неправильно. Что мне теперь делать?

На улице показалась черная полицейская карета скорой помощи. Соседи отчаянно замахали руками, призывая ее скорее подъехать. Мужчины в форме выпрыгнули из автомобиля и схватили носилки. Я все еще видела свое безжизненное тело с обожженными пальцами и серым лицом, и никто, даже медики скорой помощи, не мог меня оживить. Один мужчина сдвинул мои очки на лоб и закрыл мне глаза. Моя кожа казалась холодной, чужой и уродливой. От мысли о возвращении в безжизненную плоть мне стало дурно. К тому же падение казалось мучительно опасным. Но сидеть на дереве над собственным телом тоже было неправильно. Смерть представлялась мне совершенно иначе. Не было ни ангелов, ни арф, ни жемчужных ворот. Только я, которая таращилась на собственный труп, не зная, как быть дальше.

«Возвращайся, – сказала я себе, когда полицейские положили мое тело на носилки. – Твое время еще не пришло, это совершенно очевидно. Быстро! Пока еще не поздно».

Я ринулась с ветки эвкалипта вниз, снова войдя в тело девочки, как будто упала в бассейн, наполненный ледяной водой. Каждая моя клеточка пульсировала жгучей болью. Я хватала воздух ртом, подобно умирающей рыбе, и почувствовала, как у самых моих ступней захлопнулись железные дверцы.

Мои руки и ноги глубоко легли на брезентовое ложе в задней части темного фургона. Я снова была заключена в холодное тело девочки, в голове которой пульсировала боль, а пальцы правой руки нестерпимо болели. Рядом со мной кто-то булькал и сипел так громко, что, казалось, он тонет. Вибрация двигателя автомобиля отдавалась у меня в позвоночнике.

Спустя несколько минут карета скорой помощи резко повернула, оглушительно визжа шинами, и мы с сипящим человеком съехали вправо. Я ударилась коленом и локтем о металлическую стенку.

На ухабе я взлетела в воздух и снова упала на носилки. Взвизгнули тормоза, и я скользнула вперед, снова врезавшись в металл. Хлопнула дверца. Чьи-то ноги

суетливо затопали вокруг автомобиля.

Нескладный долговязый мужчина в оливково-зеленой полицейской форме открыл дверцы у самых моих ног, ослепив меня вспышкой солнечного света, видимо, последовавшего за бурей.

– Пресвятая… – Круглые глаза полицейского широко раскрылись над маской. – Она жива!

– Что?

Рядом с ним появилось упитанное мужское лицо.

– Девочка, у которой не было пульса. Она жива.

– Но…

– Посмотри на нее.

Они смотрели на меня с таким видом, как будто у них на глазах поднимался из могилы чей-то разлагающийся вздутый труп.

Булькающий человек рядом со мной сипло вдохнул воздух и затих. Я почувствовала холодок на коже, будто ветерок поднялся к крыше кареты скорой помощи и прошел через нее, исчезнув в потоке желтого света.

– Человек рядом со мной только что умер, – услышала я собственный голос.

Две медсестры в масках и шляпах, похожих на гигантские таблетки аспирина, везли меня на каталке по белоснежным коридорам больницы. По обе стороны теснились парусиновые койки – временные кровати для лихорадящих жертв гриппа, которые лежали, свернувшись калачиком, на боку, кашляя кровью. Я видела скулы, покрытые коричневато-красными пятнами, и лица неестественного красновато-фиолетового цвета, что, как и черные ступни, указывало на конец. Мои ноздри обжигал запах обеззараживающих моющих средств.

Одна из медсестер, полная немолодая седоволосая женщина, взглянула на меня поверх маски.

– Опусти голову, юная леди. Ты чудом осталась в живых. Давай постараемся сохранить тебе жизнь. – Она выглядела усталой, и это обессиливало меня. – Вокруг мор, милая, так что постарайся выздороветь поскорее, прежде чем тебя убьет эта больница.

Они вкатили меня в одну из смотровых палат, но одетый в белый халат мужчина с маленькими глазками замахал руками и закричал:

– У нас нет места! Ее придется положить в коридоре.

– В нее попала молния, – пояснила плотная медсестра. – Это не грипп.

– Места нет. Положите ее в коридоре.

Медсестры выкатили меня за дверь и повернули за угол. Я схватилась за каталку, чтобы не соскользнуть и не удариться, как во время поездки в карете скорой помощи. Здесь тоже со всех сторон лежали жертвы гриппа. Я почувствовала во рту гнилостный вкус. Мне показалось, что мы не меньше пяти минут двигались по этим смрадным коридорам, заполненным корчащимися и сипящими людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Будьте здоровы (нем.). (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Облигации, которые выпускались в США в годы Первой мировой войны.

3

Over there – американская патриотическая песня времен Первой мировой войны.

4

Мэри Шелли (1797–1851) – английская писательница, автор романа «Франкенштейн, или Современный Прометей». Ее мать умерла через месяц после рождения дочери; отец и его друзья, помогавшие ему воспитывать девочку, вырастили ее «философом, даже циником». Биография и характер героини романа перекликаются с судьбой ее знаменитой тезки.

5

«Swiss Family Robinson» – приключенческий роман для детей, написанный швейцарским пастором, прозаиком Йоханном Давидом Виссом в 1812 году.

6

Национальный марш США.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uinters_ket/vo-vlasti-chernyh-ptic

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить